

18+

Александра Ковальски

БЛИКИ СОЛНЦА

Сборник рассказов

Александра Ковальски

Блики Солнца.

Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50173181

ISBN 9785449807984

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. «Блики Солнца» – дебютный сборник автора, в котором собраны рассказы и миниатюры на разные темы: от бытовых до мистических: смешные и грустные, счастливые и трагичные, гражданские и военные, о людях и о животных...Автор приглашает всех нас – читателей – окунуться в мир литературных зарисовок, собранных «по дорогам автостопа» за 10 лет путешествий! Приятного чтения! Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Блики солнца	7
От автора	7
Цикл рассказов – «Юность в сапогах»	9
Война – это не страшно	9
Как солдатики спать пошли	11
Кот-ефрейтор	13
Синица вызывает Высоту	15
Цинк	18
Шоколад	28
Цикл рассказов – «Взвейтесь кострами, синие ночи»	31
А завтра была война	31
Библиотека	35
Лето 88 г.:	43
Пашка-комсомолец	50
Платье	54
Приданое	57
Птичье молоко	61
Силуэты	64
Старая могила	69
Стол переговоров	74
Ступени	78
Твоё время	82

Фальшивая кража	86
Хранители душ	88
Машина времени времен СССР	92
Эксперимент	96
Цикл рассказов – «Ее ещё как надо бояться, Сэм!»	98
Соседи по шкафу	98
Моя бабушка – робот	102
Кладбище	104
Лучшая кинолента	108
Предназначение	111
Безупречный кандидат	127
Жена и Муж	132
Плохой сон	137
Последний тлалони	143
Пуанты	146
Мисс women-Яга	151
Большая синяя кнопка	156
Врата собора Нотр Дам	161
Собаки – ангелы на земле	165
Конфеты	169
Связка ключей	173
Правило №3	179
Когда цветет сакура	182
Женщина в зеленом платье	197
Наперекор судьбе	208

Блики Солнца

Сборник рассказов

Александра Ковальски

© Александра Ковальски, 2020

ISBN 978-5-4498-0798-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Блики солнца

От автора

Сборник «Блики Солнца» объединил под одной обложкой рассказы разных лет. Здесь есть истории, написанные мной в 2006—2008 гг., когда я училась в старшей школе, в 2009—2013 гг. – за годы учебы в университете, а есть и совсем «молодые» – 2019 года, написанные в последние дни, оставшиеся до сдачи текста на верстку... Их несложно отличить, как бы не старался корректор сгладить «углы», стиль у всех историй разный.

Здесь есть истории, основанные на реальных событиях или на выдержках из газеты, есть совершенно вымышленные персонажи и ситуации... Все истории, как блики, как солнечные зайчики – короткие и яркие... миг и вот уже их нет, даже если миг длился несколько минут, он все равно быстротечен...

13 лет, 130 000 знаков, 330 листов Word и всего один блик, увиденный мною из окна пригородного поезда весной 2013 года... «спасибо, что ты был...»

Именно этот блик стал прообразом и придал мне решимости собрать все разрозненные записи в блокнотах и тетрадках, раскиданных по съемным комнатам, квартирам друзей и ящикам рабочего стола в доме родителей... собрать и объединить в один сборник.

Приятного чтения!

Саратов 2006—2019 гг

P.S. Ваши пожелания, отзывы и критику (желательно, конструктивную) присылайте на адрес почты: lexikovalski@yandex.ru или в группу «Вконтакте» https://vk.com/history_lexi_koroleva – «Истории Смотрителя Маяка».

Цикл рассказов – «Юность в сапогах»

Война – это не страшно

«... груз мой 200 – Твой прощальный полет...»
(с)

История не моя. Рассказал как-то друг, прошедший службу в годы Первой Чеченской войны, где-то там, в Чечне. Далее с его слов.

Война – это не страшно. Потому что бояться не успеваешь. Успеваешь только выживать, уворачиваться от пуль и стрелять. Убивать не страшно. Умирать, наверное, тоже. В первом случае, включается инстинкт выживания и самозащиты, а во втором – тебе просто все равно. Не верю я ни в черта, ни в бога, если даже они и есть, то им до нас нет дела.

В Первую Чеченскую, я еще «зеленым» пацаном набегался по горам. Убивал, несколько раз легко был ранен, но как-то повезло. Во Вторую Чеченскую получил звание и воевал уже по контракту. И вот тогда мне было страшно. Нет,

не убивать. Не умереть.

В первый раз сопровождать «груз 200» мне пришлось через пару месяцев после начала службы. Думал, не страшно. Слетаю и вернусь. И буду жить дальше. А что мне? Это же не я стрелял, не я убил этого парня, не я послал его на войну. Черт возьми, это просто командировка.

Только когда стоял на пороге чужой квартиры, когда казенно произносил фразу: «Ваш сын погиб при исполнении долга», когда вручал еще не старой женщине документы... мне стало страшно. Она не кричала, не плакала, она смотрела мне в глаза. Я видел, как из ее глаз уходила жизнь, как боль заполняла ее взор, как она состарилась за мгновение... Я видел и мне стало страшно, как простые слова могут убить. Слова, не пуля...

С тех пор я стал бояться «груза 200»... А таких было немало. Я видел слезы, на меня набрасывались с кулаками в бессильной ярости, меня проклинали... однажды молодая жена одного из погибших упала в обморок при мне... инфаркт. Ее не спасли.

Война – это не страшно. Смерть – это не страшно. Страшно – быть тем, кто расскажет о них...

Как солдатики спать пошли

Был забавный случай и в моем армейском прошлом.

Служил я, к слову, в Президентском полку. Нет, не хвастаюсь. Служить везде хорошо, где нас нет. Все такие же разводы, караулы и наряды...

А самое страшное – 210 шагов от Спасских ворот до Поста №1. Там важно не только пройти весь путь за 2 минуты 35 секунд, важно не ошибиться, не нарушить порядка. Синхронность и слаженность движений – вот визитная карточка военнослужащих Президентского полка. И все это под пристальными взглядами зевак. Отмахав свои 210 шагов, сменив сослуживцев, предстоит отстоять свой караул, ни разу не улыбнувшись, не пошевелившись, не моргнув лишний раз и почти не дыша... А на тебя смотрят люди, подходят, улыбаются, фотографируются...

Бывало, стоишь, едва-едва дышишь, а у самого нос чешется или ресничка в глаз попала и минута веком кажется... Шаги разводящего не слышишь, нутром чувствуешь. Раз... два... три... ... двести десять...

И вот как-то раз летом, стоим-терпим. Жара, горло пере-

сохло, форма к спине прилипла. Хоть стой, хоть падай. Слышим, идут наши сослуживцы. Еще 3 минуты и мы в казарме. И там уже и нос почесать можно и воды попить... Сменились мы, идем. Ворота Спасские как свет в конце тоннеля. И тут слева тоненький детский голосок: «Папа, папа, а куда солдатики пошли?» и голос папы: «Спать!»

Как я смех сдержал, отдельная история. Но долго потом еще мы всем разводом ржали в казарме...

Молодец, батя! Не растерялся!

Кот-ефрейтор

В бытность мою солдатом срочной службы, случилась в нашей роте такая вот история. Был у нас один срочник. Кошатник жуткий. Хлебом не корми, дай кошку погладить. А на территории части вот хоть умри, а кошек не было – не положено. На гражданке у нашего сослуживца был кот. Большой, холеный, как и полагается любому уважающему себя коту, с наглой мордой. Когда сослуживец бегал в штаб

звонить домой (сотовых тогда ни у кого не было и раз в неделю нам позволялось звонить домой из приемной в штабе по 3 минуты на бойца). Народу нас было мало – всего-то 30 человек, но очередь к телефону все равно казалась бесконечной. Но дело это нам всегда скрашивал наш кошатник. Когда он звонил домой, его мама неизменно на минуточку давала трубку коту. И надо же было такому быть, что кот не только слушал сюсюканье хозяина, но и мяукал в ответ. Сам бы никогда не поверил, если бы не был свидетелем.

Но приколы на том не закончились. Однажды к сослуживцу (а сам он был откуда-то из Рязанской области) в гости приехала мама. Парня отпустили в увольнение на сутки. Все дела... А на следующее утро, когда он вернулся в часть, к нашей «столовке» прибилась огромный и явно нагломордый кот... как оказалось к сослуживцу приезжала не только мама, но и кот и солдат тайком пронес его в расположение, а чтобы не светиться в казарме подкинул на кухню. Командир сказал: «Не положено!» Кот был приговорен к выдворению за пределы части. Сослуживец был в глубокой депрессии и в карауле вне очереди одновременно. Но приказ есть приказ.

Следующие 15 месяцев кота прятали всей ротой в «столовке» (видеонаблюдения тогда не было) и кормили за казенный счет армейской кашей. Так до дембеля и дослужил.

Синица вызывает Высоту

Давно эта история случилась. В 1995 году. Сразу после штурма Грозного. Столица в руинах, по горам боевики бегают, а русский солдат – враг номер один. Меня угораздило попасть в Чечню в нелегкое время, в военное. Сразу после «учебки». Было нас таких «зеленых» четверо. Трое ребята, как ребята, а четвертый какой-то пришибленный. Бабка его воспитывала, как он сам нам рассказывал. И веры он был тоже какой-то непонятной. Вроде и христианин, а крестился не по нашему. Ну нам молодым до лампочки было, кто как крестится, хотя крестики у всех были – на войне без Бога никак!

И вот раз дали нам ориентировку, куда и как лететь и кого отстреливать. Десантироваться надо было на крохотный пятачок в горах. Вроде и прикрытие есть, да и опыт, а как Бог скажет, так и будет, можно и до земли не долететь, тело вниз, а душа на небеса. Но мы – люди подневольные. Прыгать, так прыгать. Кто прыгать не хотел, того старшина берцем по мягкому месту помогал...

Этот пришибленный уперся, значит: «Не буду прыгать и все тут! Мне бабка в письме написала, что вот именно в этот день я умру! Парашют, мол не раскроется! А если прыгать не буду, то больше смерть за мной до 79 годов не придет!»

«Ага! Не будешь, да щаз!!!» – вопит старшина и уже берцем так прицеливается, размах от бедра, что называется набирает... сержант не стал тянуть резину. Я прыгнул следом. А потом как в мясорубке – бежали, стреляли... После боя уже узнал, что Марат так и не долетел до земли. Купол не раскрылся. Права была бабка, ох как права. Ну молодые, водки выпили и забыли. Еще один двухсотый... мало что ли их тогда было, в 95-м?

Но история на том не закончилась. В первый год после Милениума, я поднимал свой бизнес. И как-то на одной корпоративной попойке встретил своего старого приятеля, с кем в 95-м довелось служить. Вышли покурить.

«Помнишь с нами еще пришибленный такой служил?» – спросил товарищ. Я кивнул. «Знаешь, он слово-то сдержал», – добавил бывший сослуживец. «Какое слово?» – не понял я. «Он старшине нашему пообещал, что если из-за него кони двинет, то за ним и придет. И ведь пришёл», – знакомый щелчком выбросил окурок. «Да ладно тебе врать-то!» – отмахнулся я. Тот только пожал плечами: «Мы с Серегой работали как-то одно время вместе. И вот недели за две до того, как уйти, он мне обмолвился, что каждую ночь, видит, как из „вертушки“ пришибленного выкидывает... А в тот день, когда... Серега мне позвонил говорил, что на работе в обед фильм какой-то новый решил глянуть, да придремал и сквозь сон отчетливо слышал: „Синица вызы-

вает Высоту! Синица вызывает Высоту!“ четко так, как наяву. Подскочил аж... мне позвонил рассказать. Я значения не предал, поди фильм очередной про афганцев смотрел, будто в молодости на „духов“ не насмотрелся... вечером баба его позвонила, разбился Серега. Вот уж 40 дней скоро...»

Помолчали. Накатила ностальгия и какая-то тупая боль, что наших много полегло в тех проклятых горах... И Марат с позывным «Синица» был одним из них...

Цинк

Посвящается:

*гвардии сержанту 6-й роты 10-ого полка
ВДВ РФ*

1992—1994. Чеченская Республика.

«... Ты дождись меня, пожалуйста, дождись,

У нас с тобою впереди вся жизнь,

Но, если ты меня устанешь ждать.

Я буду знать – мне нечего терять...»

(В. Константинов: «Напиши»)

Эта история произошла много лет назад, в одной воинской части, где я служил, с одним человеком – моим другом – старшим лейтенантом Аврашиным. Какая теперь разница, из-за чего и как, важна лишь суть и героизм. Героизм, на который его толкнула девушка, сама того не подозревая. Героизм посмертный и, наверное, потому еще более запоминающийся...

Я лежал на койке в полутемной палатке и старался заснуть, то есть наоборот... старался не заснуть! Трудный дневной переход, плохое питание, неясность задания – куда и зачем нас перенаправили? – всё это в сумме порядком действовало мне на нервы. Я лежал на узкой походной кровати и ждал второго офицера нашего подразделения – старше-

го лейтенанта Аврашина. Его зачем-то срочно вызвали к начальству. Кажется, я всё же задремал, потому как вдруг увидел себя в нашей старой казарме в 15 км. от Грозного. Мы с другом только что приехали и отправились в штаб, чтобы зарегистрироваться. Кстати, думаю, стоит сказать, что мы были самые обычные «контрактники», уже «оттрубившие» в своё время 24 месяца в крохотной части. Я в мельчайших подробностях помню процедуру регистрации в штабе, а уже через 3 месяца начальник части – майор Коньков – зачитал нам приказ о передвижении ещё дальше на юг к г. Магас и ещё дальше, к незаметному Казбеку... всё дальше и дальше на юг, в чужую страну, дальше от дома, ближе к смерти! Шла война, и мы не расставались с АК даже во сне! Тяжёлые дни тяжёлой жизни, что поделаешь? война...

Где нет уверенности в завтрашнем дне, где нет уверенности в следующем часе, в следующей минуте, где нет надежды ни на кого, где нет ничего святого. Суровые, враждебные горы, жестокие бои, когда ты можешь оказаться ТАМ в любую секунду, потому как вражеские снайперы уверенно ведут прицельный огонь. У тебя нет надежды ни на кого... многие бойцы, идя в бой, сжимают в руках приклад оружия с нечеловеческой силой, целуют крест, надеясь на защиту Бога, но, порой даже Господу не под силу уследить и защитить бойца, так быстро всё происходит... война...

Здесь нет иных радостей, кроме писем, но они так часто теряются в пути, не доходят до нас... И мы можем только

гадать, что и как у нас дома, здоровы ли наши близкие, всё ли у них в порядке...

Проснулся оттого, что чья-то тяжелая ладонь легла мне на плечо. Я открыл глаза. Рядом со мной на корточках сидел старлей.

«Что, дружок, умаялся?» – весело спросил он, и чертенята запрыгали в его зеленых глазах.

«Да, нелегкий переход нам на сегодня выпал», – ответил я и тоже улыбнулся.

– Ничего. Завтра ещё веселее будет! – успокоил меня друг.

– Что сказали в штабе? Могу я знать?

– Конечно. Торопит нас начальство. Говорят, на нашем пути банда какая-то действует. Изловить их надо бы...

– Изловим, раз надо.

– Да... пацанов только вот жалко... Молодые они ещё, ... неопытные...

– Вот в бою и поучатся... от приказа ведь никуда...

– Да, от приказа никуда! Ладно, отбой, завтра рано выходить, еще до рассвета!

И он лёг на свою кровать, а я закрыл глаза и тоже попытался заснуть. У меня это получалось плохо. Я всё думал о своих родных, о маме, о жене, о крохотной двухмесячной дочке...

Провожая меня на вокзале, мама плакала, как по покойнику. Светка – жена – наоборот держалась молодцом. Ни слезинки, а в глазах тоска... Я тогда с ней даже не попр-

щался, как следует, ... так чмокнул в щечку, обнял и в вагон... Она у меня на лисичку похожа: маленькая, носик острый и глаза чуть раскосые. Я только тогда это понял, что люблю её больше жизни. Она мне всё рукой махала, и что-то кричала в окно. Только позже я понял, что она кричала мне тогда: «Ты ОБЯЗАН вернуться!» – с тех пор я её так, и стал называть – моя Лисичка. И в каждом письме я пишу ей, что вернусь, потому что ей рано становиться вдовой, ведь ей всего 23 – она ещё учится в институте...

На юг, на юг, на юг...

Длинные дневные переходы, бесчисленные развалины за спиной, верный АК в руках, фляжка... Нестерпимая жара днём, адская духота ночью... Ни ветерка, воздух настолько плотный, что, кажется, его можно разрезать ножом на кусочки. От жары тянет в сон днём, духота не даёт заснуть ночью. Солдаты измотаны, офицеры озлоблены, командование бьется в истерике... Сумасшедшие дни, чокнутые ночи и ни секунды покоя... И вот, наконец, мы у цели. Едва мы устроились на обед, как ко мне подошел посыльный и передал, что меня ожидают в штабной палатке. Мысленно злобно матерясь, что мне не дали нормально поесть, я отправился в штаб-палатку. Когда я вошёл, старший лейтенант взглядом приказал мне встать рядом с ним у выхода и молчать. Я повиновался. Начальник спецоперации зачитал нам приказ, недавно полученный от командования по рации. Там было

много красивых и воодушевляющих слов, но суть заключалась всего в двух-трёх предложениях.

– Вот что, товарищи офицеры, – сказал нам начальник после прочтения приказа, – главное, что вы все должны усвоить – это то, что в штабе получено сообщение, что в нашем районе сосредоточены крупные силы бандформирования Халима. Наша задача – найти и уничтожить боевиков. Самого Халима взять в плен! Всё понятно?

– Так точно, – отвечал начальнику хор голосов.

Вот так мы очутились перед лицом чудовища, имя которого – Война.

Вечером того же дня произошло еще одно важное событие. Едва закончился ужин, как на дороге, ведущей к городу с севера, было замечено густое пылевое облако – к городу шли БТРы! Это была долгожданная подмога, которая должна была нагнать нас ещё в пути. Когда все 3 машины остановились вблизи нашего лагеря, прошёл слухок, что подмога задержалась в пути из-за почты! Так оно и оказалось на самом деле! О Радость! ПИСЬМА!!! Долгожданные вести из дома, от родных и близких людей! Суровый старший сержант раздал письма. Некоторые солдаты получили по два-три... Это была радость для всех. Бойцы читали и перечитывали письма, разбирая знакомый почерк матерей и жён, плакали и смеялись, вспоминая родных, оставшихся дома...

Я тоже получил письмо от мамы. Она писала, что дома

всё хорошо, что все здоровы. Но дороже этих вестей, были строки в конце письма, написанные Лисичкой. Она тоже писала, что всё хорошо, что Лидочка – наша дочка – сильно изменилась, повзрослела, что уже «разговаривает». Света передавала привет и брату, просила, чтобы я не оставлял его в бою одного...

Я долго сидел у фонаря, стоявшего в нашей палатке на походном столике. Всё читал и перечитывал письмо. Серёга тоже получил письмо в тот вечер. У него «на гражданке» осталась невеста. Они так и не успели пожениться, но она обещала его ждать, во что бы то ни стало! Её звали Лиза. Она часто писала ему, он говорил, что о любви, о том, что соскучилась, что ждёт его, считая дни до встречи! Я уже лёг спать, погасив фонарь, когда вошёл Сережка, молчаливый и понурый.

– Что-то случилось? – полусонно спросил я.

– Ничего. Так... пустяки, – сказал он и тут же спросил, – Что мама пишет? Как у них дела?

– Всё хорошо. Лисичка написала, что Лидочка уже «разговаривает»!

– Рад за тебя.

– А у Лизы как дела? Это ведь она прислала тебе письмо?!

– Да, она. У неё, ... у неё всё в порядке...

– Точно?

– Ага! Написала, что выходит замуж!

– Что? Когда? Как же так? Она же ... – вопросы сыпались из меня, как гильзы из автомата.

– Вот так просто! Отставить вопросы, товарищ младший лейтенант! Спите!

– Серёж, я же...

– Товарищ младший лейтенант, Вам не ясен приказ?

– Ясен, – я только тяжело вздохнул.

– Значит исполняйте!

– Есть, товарищ старший лейтенант! – неохотно пробурчал я, снова ложась на койку и закрывая глаза. Серёга был из тех людей, для кого личное пространство не было пустым звуком.

Я проснулся оттого, что кто-то яростно тряс меня за плечо, пытаюсь разбудить. Открыв глаза, я увидел перед собой Серёжку.

– Вставай, лежебока! Нас уже ждут! – сказал он, и голос его не предвещал ничего хорошего.

Бегом, все бегом, ... второпях, как будто сейчас мина взорвется. Уже на улице, при построении я смог допытаться от старлея, что разведгруппа засекла врага на западном склоне. Мы были обязаны срочно направиться туда, для уничтожения группы боевиков численностью в 30 человек. «Бой будет жаркий!» – мелькнуло у меня в голове. Спешно построились, погрузились на БТРы и вперёд, считая всё на своём пути.

Гудят машины, трясет на ухабах разбитой дороги, пыль летит в глаза, в нос, пот струится по лицу, заливая глаза.

Было жарко и душно. Старлей запретил бестолково расходовать воду. Мы мчались настолько быстро, насколько это было возможно. Но вскоре дорогу нам преградил обвал. Пришлось спешиться и топтать через горы. Всё необходимое несли на себе – оружие, боеприпасы, воду, лекарства. Несколько часов мы двигались за противником, пытаясь его догнать. Нам не составляло труда определить направление его движения, примет было сколько угодно: обломанная ветка, небрежно брошенный на землю окурок...

Я чуть подотстал, поджидая старлей – командир шел последним. Поравнявшись со мной, он спросил:

– Что устал?

– Никак нет! – ответил я.

– Тогда почему отстаешь?

– Серёг, как думаешь, они это делают нарочно?

– Не знаю. Либо они поспешно бегут, что мало вероятно, ведь их почти в два раза больше, чем нас; либо... увидим.

И старлей бодро зашагал вперёд. Я посмотрел ему в спину, и в душе у меня шевельнулось какое-то нехорошее предчувствие, но солдат, а, тем более, младший офицер должен полагаться только на факты, а не слушать какие-то там предчувствия!

Мы накрыли боевиков неожиданно. Хотя, можно сказать и наоборот – они накрыли нас неожиданно. Мы вышли на небольшое плато, где и расположились на отдых враги.

Они довольно громко и весело переговаривались, жарили на костре мясо. Мы начали обстреливать их, но неожиданно мы сами оказались в окружении – это была ловушка и мы, как последние идиоты, попали в неё! Бой, в самом деле, оказался жарким. Стреляли со всех сторон. Казалось, что моя роль состояла в том, чтобы не подставляться под пули. Я тоже палил по сторонам, по всем кустам, за которыми, как мне казалось, скрывался враг. Невозможно передать словами тот ужас, что творился там, на узком горном плато, скажу только одно – мы захватили самого Халима живым, а его банду – чуть больше 30 человек – развеяли. Многих перебили, но двоим или троим, удалось бежать!

Отойдя на несколько десятков метров назад мы присели отдохнуть и подсчитать потери.

– Что, дружок, притомился? – спросил меня старлей, сядя рядом со мной и закуривая.

– Есть немного! – ответил я, тоже закуривая.

– Так сказать, с боевым крещением ... – Серёга не закончил мысль. Резко оттолкнув меня, крикнул: «Берегись!», закрывая собой...

Я сам толком не понял, что произошло. Только мгновения спустя сообразил, что друг заметил вражеского снайпера, целящегося в меня...

Снайпера сняли тут же, ... но... слишком поздно.

Ребята помогли мне поднять старлея. Повернув его на спину, я увидел, как по губам у него стекает тонкая струй-

ка крови.

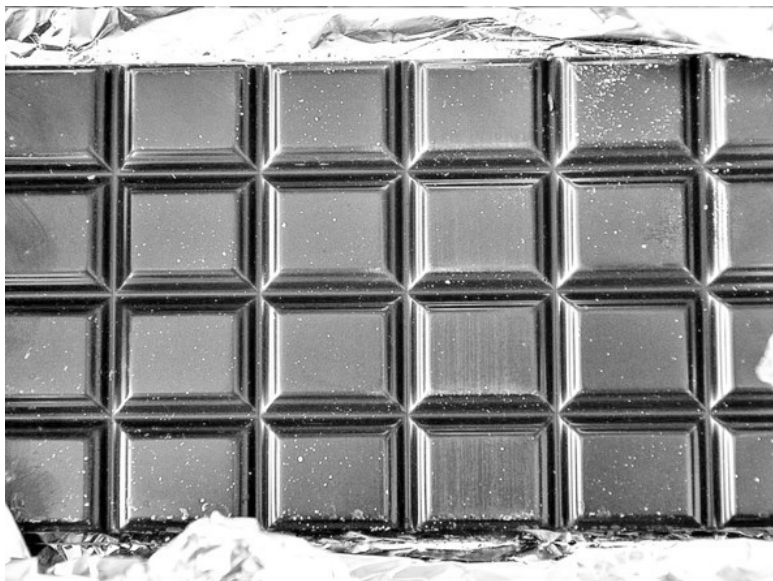
– Не умирай! Что я скажу Светке? – шептал я, держа голову друга на коленях. Он только посмотрел на меня грустными глазами и тихо сказал:

– Поздно... Лизе скажи... чтобы счастливая... была, не плакала... Светка... простит пусть, – он безвольно уронил голову. Я закрыл его глаза, и слёзы потекли по моим щекам... Я плакал, впервые в жизни я плакал от горя, ... от потери родного мне человека... от сожаления, что не смог выполнить приказ жены, не уберег...

Серёжке посмертно присвоили очередной звание – капитана. Все мы – погибшие и выжившие – были награждены медалями и орденами за мужество и героизм. Лишь три недели спустя после гибели друга, получая за него георгиевский крест, я узнал, что мой прямой командир знал, на что идёт, его предупреждали, что банду Халима так просто не взять, но он решился, он просился туда – к Магасу, просился для того, чтобы обезвредить боевиков, чтобы погибнуть и прославить свое имя.

Мне кажется, он уже тогда знал, что Лиза его не дожждётся и, наверное, именно поэтому стремился снискать славу, пусть даже и посмертную...

Шоколад

История случилась в мои далёкие армейские годы. Когда служили еще по 2 года и в части были те самые «деды». Только вот никакой жуткой и пугающей «дедовщины» у нас не было. «Дедушки» были для нас не кичливыми отморозками, а наставниками и учителями. Так вот... о чем это я?

В армии есть две беды: сигареты и сгущенка. Ни того, ни

другого днём с огнём не сыскать, ну ежели только с нужными людьми дружбу водить. Особенно, в той «дыре», где мне довелось служить. Магазинов в части не было, а до ближайшего «островка цивилизации» было километров 50, не меньше. А тут такое дело – мне «зелёному духу» – тётка под самый новый год прислала посылку. Да не просто бандерольку, а целую посылку, килограмм эдак на 15. Много чего, но главное, пять килограммов чистого, настоящего ... (нет не спирта) ... бельгийского шоколада. Кто служил, тот поймет, что такое – получить посылку из дома, да еще и со вкусностями. Будучи неисправимым сладкоежкой, я жестоко страдал от недостатка глюкозы и эндорфинов, ею порождаемых, пока тянул ляжку.

Шоколада в тот день я не увидел. Но зато увидел много чего другого. Например, хитрую морду лица нашего сержанта.

«Попа слипнется!» – провозгласил он, конфискуя мой законный шоколад.

«Не слипнется! – пробовал отбиться я. – Это моя посылка! И я Вам ее не отдам!»

Кто пробовал отбиться от сержанта, тот поймет. Проще взять Безымянную Высоту, чем отнять то, на что сержант положил глаз, а в моем случае, так и «лапу», а лапищи у него были загребушие...

«Вот будешь хорошо себя вести, вместо меня в наряд сходишь, а я тебе кусочек шоколадки дам, а может и не дам... зависит от того, насколько хорошо наряд сдашь!» – провозгласил недоофицер.

Делать было нечего – шоколада хотелось. Пришлось идти в наряд. Но то ли я так несчастно выглядел, когда драил унитаза, то ли у «дедушек» проснулась совесть, одному Богу известно. На следующее утро весь шоколад в нетронutom виде был мне возвращен с условием разделить его между товарищами. Тот новый год мне запомнился. Шоколада мы тогда наелись на всю будущую жизнь. Наелись все. Но самыми ценными для меня тогда слова благодарности моих товарищей, получивших от меня столь щедрое угощение.

Теперь каждый раз, как в мои руки попадает лакомство в шуршащей обертке, я вспоминаю мудрость, в которую меня посвятили мои «деды» – вкуснее благодарности лакомства нет!

Цикл рассказов – «Взвейтесь кострами, синие ночи»

А завтра была война

Иван и Акулина жили в соседних дворах. Ребятишками вместе гоняли лошадей на водопой, вместе помогали родителям в поле, летом собирали в лесу чернику, а зимой бегали в избу-читальню, где старенький поп учил ребятню грамоте по старинным книгам. Время было непростое... только-только отгремела Первая Мировая, плавно перешедшая в Гражданскую. Повсюду говорили о НЭП-менах и о коллективизации, но какое дело ребятне до политики? Им бы все бегать да резвиться. Дети не замечали многих тягот, они умели радоваться солнечным лучам, теплу и сочным лесным ягодам, холодной воде из родника и летним дождям. Они умели быть детьми.

Впервые Иван посмотрел на Акулину иначе, когда им было уже почти по 17 лет. Деревенские девчонки в этом возрасте ходили на улицу стайками, хихикали о чем-то своем девичьем и бегали на речку купаться в тихую заводь, ниже по течению. Именно тогда, в тот знойный июльский полдень,

возвращаясь с поля, где он помогал отцу, Иван увидел Акулину, идущую от реки. Девушка несла на плечах расписное коромысло, на котором покачивались в такт плавной походке два ведра с водой. Солнечные лучи, отражаясь в воде, бросали блики на лицо Акулины, подчеркивая веснушки на ее востреньком носике и небесно-синие, как васильки глаза под длинными черными как ночь ресницами.

– Привет, Ваня, – закричала она, приветливо махнув соседку свободной рукой.

– Здравствуй, – едва смог пробормотать он в ответ.

– Что жара сморила? Чего смурной такой? – весело продолжала болтать Акулина. А он только смотрел на нее во все глаза и молчал, краснея.

С того июля и пошел по деревне слух, что Ивана сглазили, да приворожили. Не иначе... Смурной стал парень, не смеялся, не шутил, как бывало раньше. Все в поле, да в доме. На девчонок и не смотрит, а если и бросит взгляд, то исподлобья, будто молния ударит. Да недолго горевал Иван, не долго отмалчивался, сразу после праздника Воздвижения и потянулись в дом Акулины сваты, а вскоре после Покрова и свадьбу справили. Перебралась молодая жена в дом свекра. Стала по дому помогать, да и о родителях не забывала. Старики говаривали, что свекровь Акулину пуще родной матери полюбила, своих-то дочерей не было. Пятерых ребят Бог дал, а дочку так и не дождалась. Старшие двое погодки еще

на фронтах Первой мировой остались, сгинули где-то, среднего «белогвардеец» топором зарубил на глазах у матери, а младший еще совсем мальчишкой был, когда Иван и Акулина свадьбу сыграли. Так и жили Акулина с мужем в доме со свекром-бывшим красноармейцем (потерявшим руку в Гражданскую войну), свекровью и братом Ивана. Хорошо жили молодые, в любви и согласии, никто злого слова от них не слыхивал. По весне бабы засудачили, что еще до середины лета будет Акулина качать зыбку. Так бы оно и случилось, да Бог иначе положил по судьбе-то быть и иную дорогу уготовил молодым.

Акулина вот-вот уже и родить должна была, тяжело ей давались последние недельки. Свекровь ее по-матерински оберегала, утром коров выгонять сама вставала, хоть и годы уже не те были, да уж больно жалко было «дочку». Старуха вставала по первому свету, выходила во двор, читала молитву, как учила бабка, хоть и запретила новая власть церкви, но мать Ивана – Федо'ра – не сожгла икон, не отказалась от веры христианской. Исправно просила у Бога здоровья для живых, да упокоения для мертвых.

В июне Акулина родила дочку. Иван нарадоваться не мог на малышку – все свободное время качал на руках, целовал пухленькие щечки и ладошки. Счастьем светились его глаза и душа пела от радости. В то утро – в канун летнего солн-

цестояния – рано поднялась бабка Федо'ра, вышла во двор, да так и ахнула – словно кровь по небесам разлита – облака алые, а за околицей в небе словно крест стоит. Осенила себя крестным знаменiem бабка Федора и слезы покатились по морщинистым щекам, защемило душу.

С того утра слезы не высыхали на глазах старухи. Плакала, провожая сына на фронт, плакала, когда второй сын подался к партизанам, плакала, опуская ранней весной 42-ого в промерзшую землю крохотное тельце внучки, запеленутое в последнюю материнскую рубашку, плакала, провожая на фронт Акулину. А потом была бомбежка и осенью 42-ого не стало ни дома, ни бабки Федо'ры.

Война разбросала Акулину и Ивана. Они никогда больше не встретились, но, умирая в полевом госпитале где-то под Вязьмой, Иван до последнего шептал ее имя. А Акулина – сестра милосердия в блокадном Ленинграде – пока была жива, расспрашивала каждого раненого солдата и офицера, не видел ли он ее мужа... но никто так ничего и не смог ей рассказать.

Библиотека

В глубинке жизнь течет однообразно и размеренно. Отсутствие событий порождает скуку, а любое, даже мелкое, происшествие становится поводом для сплетен и пересудов на долгие месяцы. Вот почему приезд новой учительницы стал едва ли не событием века. В последний раз так судачили лет 30 назад, когда у соседки Якимовой с войны вер-

нулись живыми оба сына и муж. Правда, муж вскоре помер от чахотки, но сыновья женились и оба работали в колхозе. У старшего было трое дочерей и сын, а младший 5 лет назад овдовел, да так и жил один, кое-как управляясь с хозяйством и тремя сорви-головами – пацанятами. А тут на тебе! Прислали из города по распределению учительницу. Ей было от силы года 24. Никогда не выдавшая в живую коровы, не носившая валенок и болотных сапог, она выглядела растерянной, стоя на крыльце сельсовета в тонком ситцевом платье и с небольшим чемоданом в руках.

– Здравсьте, – поздоровался с ней проходивший мимо крыльца высокий небритый мужчина в перепачканных соляркой брюках и клетчатой рубашке.

– Добрый день! – вежливо ответила она.

– Давайте помогу с вещами-то, – вдруг предложил незнакомец. И решительно забрал у девушки чемодан. Спросил тут же – Квартиру дали? Или опять в цех поселят?

– Дали, – кивнула учительница. – В школе.

– Так Вы не в бригаду?

– Нет. Я – учительница.

– Это хорошо. Учитель нам нужен. Звать-то Вас как?

– Ксюша, – и тут же спохватившись, добавила, – Ксения Владимировна.

– Ну пойдемте, Ксения Владимировна. Покажу, где у нас школа.

Школа на селе была одна. Высокое здание, построенное еще до войны. И с той поры ни разу ни разу толком не отремонтированное. Учились в ней ребята с 7 окрестных деревень. Рядом со школой стоял небольшой дом из бруса. Он был гораздо моложе школы, жил в нем когда-то прежний учитель математики, после отъезда которого, дом пустовал.

– Ну вот и пришли, – улыбнулся мужчина, опуская на крыльцо чемодан.

– Спасибо Вам, – поблагодарила Ксения.

– Да не за что, – смутился тот. – Вы если что, зовите. Люди у нас хорошие на селе, помогут. Детей тут много... будет кого учить.

– Это хорошо, когда дети к знаниям тянутся. А у Вас есть дети?

– Трое... мальчишки. Озорные они стали, как мать померла, ... но не злые. Вы с ними поостороже... – и как-то сразу понурившись, мужчина шагнул с крыльца и размашисто зашагал в сторону тракторной станции.

Начался учебный год. Ксения Владимировна вела математику. Учительницей она была строгой, но дети ее любили. Только старший сын Якимов не желал слушаться. На уроках озорничал, а то и вовсе мог встать и уйти из класса. Никакого сладу с ним не было. Ксения пыталась поговорить

с ним, вызывала в школу отца, да толку-то. Младшие братья не отставали от старшего. И вскоре уроки стали настоящим испытанием для молоденькой учительницы. И вот однажды весной хулиган довел бедняжку до слез. Вечером учительница пошла к Якимовым домой. На стук дверь ей открыл самый младший из братьев.

– А отец дома? – спросила учительница.

– Жаловаться на нас пришли? – спросил мальчишка.

– Нет. Хочу поговорить, – как можно дружелюбнее ответила она.

– Нет его еще. Он в бригаде, но скоро придет. Заходите.

– А братья где?

– Старший Митька отцу помогает после школы, а Сережка к бабке побёг. Ей помочь надо. Старая стала, – ответил мальчишка.

Учительница вошла в избу. Было там чисто, но не чувствовалось уюта. В красном углу – иконы, а на стене над кроватью портрет молодой женщины. Видимо, покойной жены Якимова.

– Папа сам рисовал. Он умеет, – с гордостью сказал Славка.

– У вас книг как много! – удивилась учительница, кивнув на полки, занимавшие всю стену.

– Это мамины. Она их любила очень. Ей дядя привозил каждое лето. А когда она умерла, папа их не отдал, сказал, что память. Только никто их не читает...

Учительница осторожно прикоснулась пальцами к корешкам книг и вдруг спросила:

– А ты знаешь, что книги, они ведь вроде лекарства. От всего помогают.

– Правда?

– Конечно. Вот прочтешь книгу и на душе сразу светлее станет. Книги и совет дадут и тоску прогонят. Ты сам попробуй, если не веришь, – улыбнулась Ксения Владимировна.

Учительница так и не дождалась в тот день отца трех хулиганов. Стемнело и она поспешила домой, решив, что неприлично беспокоить уставшего за день работы в поле человека всякими глупостями.

На следующий вечер случилось еще одно событие, потрясшее соседей. Во дворе Якимовых запылал костер. Сбежалось полдеревни, в том числе и учительница. Старший брат, под вопли младших, висевших у него на руках и кричащих, что было сил, вытаскивал из дома книги и бросал в огонь. Учительница бросилась к Митьке через толпу, оттолкнув любопытных. Она бросилась на помощь ребятам. Славка вытаскивал из огня книги, Сережка, пытался остановить брата. Кто-то схватил ведро с водой из колодца и плеснул в костер. Когда на крики и шум с поля прибежал запыхавшийся отец, он увидел во дворе дома кострище, вокруг которого валялись мокрые, обгорелые книги и стояла учи-

тельница, к которой жались его младшие сыновья.

– Ты зачем книги сжег? – спросил Якимов старшего сына.

– А зачем она врала, – кивнул он на учительницу. – Пришла к нам домой, книги мамины трогала, еще и Славке наврала, что книги лечат! Ни черта они не лечат... не правда это!

– А вот и правда, – хлюпая носом отбил Славка, которому Ксения Владимировна осторожно бинтовала обожженные руки.

– Отставить ссоры! – строго приказал отец. – Книги, может и не лечат, но и жечь их незачем.

Через неделю отец сложил остатки книг на подводу и отвез в школу.

– Будем библиотеку делать, – сказал он учительнице. – Может кого и, правда, тогда... вылечим.

– Библиотека – это хорошо, – улыбнулась Ксения.

– А Вы зря так про книги, мать его так говорила. Только не вылечили ее книги. Померла. Рак у нее был. Вот тебе и конец 20-ого века, а врачи бессильны. Долго мучилась. Умерла в больнице в райцентре. С тех пор старший наш от рук отбился. 16 лет пацану, вчера отправил его к дядьке, в город. Он его на завод определить обещал. В институт поступать не хочет, пойдет в армию, а после что с ним делать и не знаю, – вздохнул Якимов.

Библиотеку открыли к новому учебному году. Ксения Владимировна регулярно выписывала для нее пополнение, ездила в райцентр за новыми книгами. А к новому году к ней в дом постучались. С удивлением обнаружила учительница на крыльце Митьку.

– Вы меня простите, что я нагрубил Вам тогда, – сказал парень, опустив глаза, – и что на уроки не ходил. Я вот книги для библиотеки принес. Три полочки скопил и еще дядя помог. – С этими словами парень занес в дом большую коробку, доверху наполненную книгами.

– Ой, сколько книг! Вот это подарок! – восхищалась Ксения Владимировна, разбирая книги, рассматривая обложки и с восхищением вдыхая аромат свежей типографской краски. Смутившись, вдруг спросила, – Ты голодный? У меня пирожки есть. С малиной. Хочешь?

– С малиной? Это можно, – робко ответил Митька.

– Тогда мой руки и за стол! – распорядилась учительница.

Они пили чай и Митька рассказывал Ксении Владимировне о городе, о том как работает на заводе и как его хвалил мастер, рассказывал и о матери, о том, какой он помнил ее. Рассказывал с восторгом, без слез и без боли. Просто говорил и говорил, будто бы она все еще живая. Ксения Владимировна слушала его и улыбалась, радуясь перемене в парне.

Ни один год пролетел с той поры. Выросли у Якимова сыновья. Митька стал инженером, Сережка в науку ушел, а младший стал врачом. Женились, семьями обзавелись, внуков к отцу в деревню каждое лето привозили. Шумно у Якимовых летом, а вечерами, бабушка Ксения, соберет всех вокруг большого стола и читает вслух какую-нибудь интересную книгу. Детвора слушает, приоткрыв рот и нет-нет, да кто-нибудь и спросит: «Бабушка, а правда, что книги лечат?» Улыбаются дед и бабушка, переглядываются и дед безапелляционно заявляет: «Конечно лечат!»

Лето 88 г.:

Холодные порывы ветра трепали траурную ленточку на погребальном венке. Лика осторожно положила на могилу букет из 24-х темно-бордовых роз.

– Здравствуй, Андрюша. Как ты там? – тихо обратилась она к усопшему, как если бы он мог ее слышать. – А я вчера только вернулась из Лондона. Страшно подумать... столько лет прошло. Сын уже институт окончил. Скоро женится, и я стану бабушкой. А, кажется, только вчера... мы только мечтали об этом.

Ей никто не ответил. Она привыкла. Постояла еще немного, поплакала.

– Анжелика Вячеславовна, – окликнул ее, стоявший поодаль водитель, – Вы просили напомнить Вам о времени...

– Да-да, Павел. Спасибо, – отозвалась она, словно очнувшись от сна наяву.

– Пока, Андрюша, – снова обратилась она к памятнику, – я еще заеду. Завтра или на неделе. Привезу цветы. И оградку покрасить надо бы. А ты тоже заходи ко мне, когда хочешь... Мне приятно будет.

Худенькая женская фигурка замелькала среди могил, спеша к воротам кладбища. Павел, сильно хромая, тяжело шел следом. Его работа – не оставлять хозяйку без присмотра, ни

на секунду с тех самых пор, как не стало Андрея. Сколько же лет прошло? Четверть века, не меньше.

Лето 1988 года Павел помнил так отчетливо, будто это было вчера. Вернувшись из армии, подал документы на заочное отделение в институт. Начал искать работу. И как на грех, встретил школьного товарища – Андрея Сотникова. Разговорились, тот рассказал, что работает секретарем у одного бизнесмена. Предложил и Павлу пойти на работу в этот дом. Бизнесмену как раз требовался водитель. Павел согласился. Лучше бы не соглашался, ничего бы не знал, не жалел бы сейчас так, не переживал бы.

У хозяина – Вячеслава Борисовича – была единственная дочка – Анжелика. Красивая и богатая наследница – по уши влюбленная в секретаря отца – Андрея.

– Добром это не закончится, – часто повторял другу Пашка.

– Не лезь в чужой огород, – отмахивался тот, – я ее тоже люблю и все равно женюсь. Даже если ее отец лишит наследства. Ни за деньги люблю, а по-человечески.

Павел только передергивал плечами. Любовь – дело подлое.

А потом грянули 90-е, и фирма Вячеслава Борисовича начала постепенно тонуть. Тогда-то Андрей и придумал хит-

рый, но не совсем честный план. Пришел к отцу Анжелики и честно ему признался во всем:

– Вячеслав Борисович, я могу помочь Вам спасти фирму. Я тут подумал. Есть у меня одна мысль...

– Может это и дело, но я никогда не пойду на сделку со своей совестью, – выслушав парня, отказался босс. – Лучше разорение!

– Но ради Анжелики!

– Да какое тебе дело, парень?

– Я люблю ее и хочу просить у Вас ее руки.

– Нет! Не бывать этому! Моя дочь не станет женой бандита! Никогда!

После того разговора Вячеслав Борисович выставил секретаря за порог. Андрей отправился искать свое счастье. Спустя несколько месяцев, Павел, в обязанности которого теперь входила слежка за девушкой, устроил им тайное свидание, по просьбе Анжелики.

– Фирма отца совершенно разорена, – тихо поделилась новостями девушка.

– Ничего. Я знаю, как все поправить. Выходи за меня замуж, – попросил ее Андрей.

– Я не могу. Андрюша, прости меня, пожалуйста, но... я очень люблю своих родителей, а отец никогда не согласится на наш брак. Он... хочет выдать меня замуж за одного из своих компаньонов, который обещал помочь моему отцу.

– Значит, моей помощи он не принял, а...

– Дело не в тебе.

– А в ком? Скажи мне! Я пойму.

– ... папа верит в Георга Станиславовича. И мне тоже кажется, что его связи и... деньги, действительно сыграют более значительную роль, чем... твой план.

– Ты больше не любишь меня?

– Люблю. Больше жизни люблю.

– Не лги. Если бы любила, верила бы и не променяла бы...

– Андрюша...

– Этот старый пень, обманет твоего отца. Ему нужен этот бизнес! Понимаешь? Он сделает все, чтобы подмять под себя вашу фирму и самый простой путь – жениться на тебе и получить все на блюдечке в качестве приданного. А потом он вышвырнет тебя за порог.

– Нет. Это не так. Скажи, что ты так не думаешь, что это ты со зла...

Он больше ничего не сказал ей. Никогда. В следующий раз, они встретились уже на кладбище – его убили в пьяной драке. Он так никогда и не узнал, что она вышла замуж за компаньона отца и родила сына, которого назвала Андрей.

Спустя четыре года...

Она спокойно сидела в кресле рядом с детской кроваткой и смотрела на спящего сынишку. Её лицо было заплакано, а в глазах пустота. Вчера ее отец умер от сердечного приступа. Анжелике казалось, что все это было не с ней. Она вдруг

поняла, как же прав был Андрей. Фирма – это все, что было нужно ее мужу. Разорив ее отца, он отнял у старика последнее – жизнь. Теперь Анжелика была сиротой.

Дверь в спальню резко распахнулась и вошел Георг.

– Тише! Ты разбудишь ребенка, – шикнула Лика.

– Ничего! Опять уснет, – он подошел к жене и начал жадно ее целовать, разрывая на ее груди тонкий халатик.

– Пусти меня! – закричала Лика, яростно вырываясь из его рук и уворачиваясь от губ, пахнущих виски и табаком. Получив оплеуху, он отшвырнул жену на диван

– Зашел спросить, когда ты уберешься из моего дома, шлюха!

– Как ты смеешь?

– Я все смею! Тебе здесь ничего не принадлежит! После того, как мы заплатим долги твоего папочки, у тебя не останется даже нижнего белья. Знаю, кстати, один вполне приличный бордель, мог тебя туда пристроить, хотя ты и не вышла данными, но там есть и не очень разборчивые клиенты. Советую подумать над моим предложением, – с этими словами он громко захлопнул дверь спальни. Женщина, утирая слезы, принялась укачивать малыша.

Павел стоял навытяжку в гостиной особняка. Напротив него на диване сидела хозяйка – Анжелика Вячеславовна. Оба они молчали. Наконец водитель первым подал голос:

– Простите, но нет. Я не смогу.

– Павел, поймите, что я не шучу. Мне нужно, чтобы Вы это сделали! Ради меня, ради моего сына... Я прошу Вас, – она вдруг резко вскочила. Подошла к мужчине и прошептала, глядя ему в глаза – возьмите, что угодно, только сделайте то, о чем я прошу! Я заплачу сколько угодно и... чем угодно.

Взяв его руку, она положила ее себе на грудь. Спросила: «Или я не слишком хороша?» Он оттолкнул ее ладонь.

– Зачем Вы так?

– Что же еще тебе предложить, Паша?

– Найдите хорошего врача, – помолчав, ответил он.

Не прошло и недели после того разговора, как муж Анжелики, возвращаясь из города в свой загородный особняк, попал в аварию. Лика хорошо помнила, как сидела в приемном покое и плакала. Молилась и плакала. О чем было молиться этой женщине, и услышаны ли были ее молитвы на небесах – известно лишь Богу. Здесь на земле, она сделала, что могла. Павла оперировал один из лучших докторов России. Георга Станиславовича – спасти не удалось. Водитель молчал, ссылаясь на амнезию, а Лика благодарила Бога, что Пашка остался жив.

Прошли годы. Вырос сын. Анжелика вела дела фирмы одна. Она жила очень замкнуто и часто ездила на кладбище, на могилу Андрея, просила прощения, что тогда не поверила ему. И в церковь, молилась о Павле, чтобы Господь про-

стил его за убийство. Павел, безмолвной тенью, сопровождал ее всюду. Но никогда он не признавался ей, что за убийство Андрея хулиганам заплатил ее муж, и он – Павел, просто отомстил за смерть друга.

Пашка-комсомолец

В школьные годы был у меня закадычный друг по имени Павел. Жуткий хулиган, но не злой и мухи не обидит, хотя пошутить не дурак... Отец у него был меломан знатный. Как-то раз Пашка пригласил меня в гости и показал отцовскую коллекцию. Помню, как мы сидели на полу около ящика с пластинками и с благоговением перебирали их. Там было много зарубежных альбомов.

– А вот посмотри, что папа на днях принес, – протянул мне Пашка пластинку.

– Ух-ты! – не сдержал я восторженного возгласа, увидев на обложке группу Битлз.

– Отец сказал, что она уйму денег стоит, с пяти получек деньги откладывал и еще премию. Только тссс, нельзя об этом говорить, а то мама сердиться будет.

– А можно послушать? – спросил я.

– Сейчас поставлю.

Пашка немного повозился с проигрывателем и по комнате разлились божественные звуки западной музыки. Мы сидели и слушали с замиранием сердца. Тогда Запад казался для нас чем-то недостижимо запретным, волнующим и манящим, как мандарины и конфеты на новогодней ёлке. Мы не понимали, о чем пели голоса на пластинке, но наше воображение подсказывало нам, что пели о чем-то волшебном и прекрасном...

С того вечера я стал поклонником «битлов», хотя и тайным. Тогда слушать западную музыку было не идеологично. Таких могли и в комсомол не принять. Пашку и не приняли. Он открыто признавался в своей пристрастии к вредной музыке, как и его отец, многие песни знал наизусть и неплохо исполнял их под гитару. В комсомол Павла не приняли, но он особо и не переживал, продолжая наигрывать на своей семиструнке, сидя в свободные часы летними вечерами на крыльце «Yesterday» или не менее знаменитую «Oh, Darling».

Потом начался новый учебный год и с верхних эшелонов спустили план сколько молодых «орлов» должно было быть принято в комсомол... Не хватало как раз одного. Тогда-то учителя и вспомнили про Пашку. Да только он всеми путями увиливал.

— Ну вот зачем мне ваш комсомольский билет? Чтобы взносы в партию платить? У меня каждая копейка на счету. Отец-трудяга, мать-инвалид. Нет уж спасибо.

— А как же ты в институт собираешься поступать? — не унимались учителя. — Без билета не примут!

— Да зачем мне институт? Когда мне учиться-то? Мне работать надо, родителям помогать, — отмахивался Пашка. — А там заучивать всего столько, что и голову сломаешь! Нет, не буду.

— Да ты не заучивай, только заявление напиши. Нам же для отчетности.

Так и уговорили. Павел подал заявление на вступление в ряды ВЛКСМ. Его кандидатуру рассмотрели, поморщились, но пригласили на собеседование. Помню, председатель совета комсorghов задал ему всего один вопрос — «Сколько орденами была награждена газета „Комсомольская правда“?» Пашка задумался, глядя на стол перед собой, а потом заметил, что аккуратно под правым локтем председателя лежит та самая газета с изображением на титуле всех орденов, ей присвоенных...

Так, с честью выдержав экзамен, Пашка стал комсомоль-

цем. Ни один год прошёл с той поры, выросли и мы с Пашкой и наши дети, канула в Лету могучая держава Союза, но и по сей день нет-нет да и вспоминается нам эта история о комсомольском билете и «Комсомольской правде», особенно, когда где-нибудь доведется услышать бессмертные голоса «битлов»...

Платье

У Маргариты Павловны была мечта. Самая обыденная, женская. Мечта называлась – платье. Но платье, не абы какое, а такое особенное – что называется «последний писк моды» – из тонкой шерсти непременно кофейного цвета, с вырезом «лодочкой», пышной удлиненной юбкой, рукавами 3/4 и белоснежным накрахмаленным воротничком из машинного кружева «ришелье». Но как наденешь платье без туфелек – лодочек на низком каблучке «рюмочке»? Значит нужны еще и туфельки. Тоже белоснежно-белые, под цвет кружев. И сумочка на цепочке... «Завить бы кудри, наряжаться бы в платье и туфельки и на танцы с подружкой!» – частенько мечтала Маргарита Павловна, лёжа поздним вечером в постели, перед сном. А потом вспоминала, что подружка умерла, уж почти десять лет прошло, как схоронили. В блокадном Ленинграде не то, что на танцы, за водой боязно было выйти. О том, что существуют танцы девчонки – блокадницы узнали только в 50-х. Тогда им 17-летним не до танцев было. У Маргариты Павловны в блокаду умерли мать и сестренка. Через неделю советские солдаты вошли в город. Тогда она встретила Его – лейтенанта стрелковой дивизии. Влюбилась без памяти в его глаза цвета весеннего неба и поклялась ждать его с войны. Он вернулся вес-

ной 45-ого. Фашистская граната, брошенная из-за угла, где-то на улице Берлина навсегда изуродовала молодого красавца, но Маргарита Павловна хорошо помнила цвет его глаза. И пусть больше никогда не видела их, но воспоминаний ей было достаточно.

Нелегко им было после войны. Голодно и тяжело. Уехали молодые на Кубань, на родину мужа. Там родили троих дочек. Отец на них все нарадоваться не мог, любил их, баловал как мог. Игрушки сам мастерил, где в годы дефицита купить кукол?! Маргарита по дому как белка в колесе, за скотиной уход, в колхозе работа, трое деток, и муж-плохой помощник, но не жаловалась. Только вздыхала украдкой о платье. А потом и вздыхать перестала – уж какое тут платье, какие танцы?! Девчонки подрастают, скоро замуж. Старшая рано замуж выскочила, а там и младшенькие-погодки за ней потянулись. Маргарита Павловна и оглянуться не успела, а уж седина посеребрила волосы, морщины избороздили лоб. Посмотрит, бывало, Маргарита на себя в зеркало, да и вздохнет украдкой – жизнь-то мимо прошла, а платье-то так и не купила... вроде бы 60 годков прожила, немало, троих дочек подняла, скоро вон внуков нянчить, а платье купить так и не успела. Все некогда было, да и куда ходить-то в нем в колхозе?! Не пойдешь же в коровник в туфлях-лодочках и платье с накрахмаленным белым воротничком! А на танцы-то поздно уж. Какие танцы пенсионерке?!

Внуки заполнили дом и дни Маргариты Павловны. В суте будней в радостях и бедах, в заботах о внуках и муже пролетели как сон еще 10 лет. А уж как мужа схоронила, так и совсем сникла Маргарита. Не осталось в ней бывлой радости ни единой капли. Только вздохнет украдкой. «Мама, что ты одна да одна. Приезжай к нам. У нас Мишка жениться собрался, скоро улетит из родного гнезда!» – звала настойчиво старшая дочь. «Конечно, мама, переезжай! Хочешь, к Тане, хочешь, к нам», – звали наперебой другие девочки. Но Маргарита Павловна все упиралась. Все ждала чего-то.

Прошла дождливая осень, а за ней и зима. Начали таять снега, вернулись с юга грачи. А когда сошел снег и зазеленела молодая листва, увидели однажды утром соседки, что у дома Маргариты Павловны стоят несколько машин. Видели и старшую дочку – Татьяну в слезах. Перешептывались, что умерла Маргарита, не дожила до лета, не успела правнука понянчить. Когда провожали в последний путь, соседки все так же шептались, что покойница лежала в гробу не по случаю нарядной – седые волосы были завиты в локоны, одета она была в платье из тонкой шерсти кофейного цвета, с вырезом «лодочкой», пышной удлиненной юбкой, рукавами 3/4 и белоснежным накрахмаленным воротничком из машинного кружева «ришелье», в белых под цвет воротничка туфлях-лодочках на каблуке-«рюмочке».

Приданое

– Ну что расселся-то? Лучше вон люстру с антресоли бы достал! – прикрикнула дородная женщина на своего мужа, мирно устроившегося на диване перед телевизором. – А то молодые-то приедут, чего на новоселье-то дарить будем?! Машка-то ничего не взяла из приданого, все некуда было, а теперь-то как люди жить будут, крыша своя над го-

ловой, надо ж и люстры повесить и ковры постелить. Чего сидишь-то, Миить?!

– Да иду я уже, иду. Не кричи, мать, – басом пророкотал муж.

Дмитрий Павлович был отнюдь не худеньким мужчиной преклонных лет. На то, чтобы принести из кладовки заказанные Анной Ярославной вещи у него ушел ни один час. А она все покрикивала и подгоняла нерасторопного мужа. К полудню, когда в доме ожидали приезда дочери с зятем, в большой комнате выстроился целый батальон коробок и коробочек, сверточков и кошелочек с приданным для новой квартиры молодых. Чего здесь только не было: сервизы, хрусталь, ковры, гобелены, люстры с вентилятором и венец всего – медный начищенный заново электрический самовар – мечта чуть ли ни каждой советской семьи. Анна Ярославна с гордостью взираала на приданное, собранное трудом и потом для единственной доченьки

.

Маша и Юра приехали после полудня – новенькая иномарка застряла на подступах к селу в весенней колее. Вот и задержались. Хорошо мимо проезжал сосед – тракторист, вытащил. Юра был зол, ему никогда не нравилась глушь родного села. Мария – спешила поделиться с матерью радостью, рассказать о новой городской квартире, трамваях, звенящих по утрам у них под окнами, о новой работе, до которой ру-

кой подать...

Гости, засидевшись за чаем с домашними пирожками, остались ночевать. Юра немного отошел – разговорил его Дмитрий Павлович, восхищаясь новинкой немецкого автопрома.

На следующий день, когда гости засобирались домой – в город – Анна Ярославовна позвала их в большую горницу, разворачивать приданое. Она с энтузиазмом показывала им то одно, то другое, восхищенно щебеча:

– Вот ковер вам в зал на пол, а вот этот на стену повесите. Это я по великому благу достала в свое-то время. А вот сервиз – это нам с папой на свадьбу подарили, а я его сразу приберегла, как знала, что дочка родится – в приданое ей сберегла. Ой, Маша, а вот ваза – это хрусталь! Представляешь! Хрусталь! В сервант поставите, все гости обзавидуются!

Излияния тещи прервал Юрий:

– Мама! Да Вы что! Какой хрусталь? Какие ковры? Двадцать первый век на дворе! Этот хлам только если в краеведческий музей сдать!

– Ишь, чего удумал, – взбеленилась теща, – в музей! Да я от себя отрывала! Не доедала! Не допивала! По великому благу все брала! Дефицит же был! А он... в музей. Да ты хоть несчастную вазу своим трудом-то заработал? В дом-то принес? Голые стены одни! Машка вчера фотографии показывала – стыд! Как в хлеву, ни одного ковра. Да неужто я для единственной дочки чего пожалею? В музей...

Юра не стал спорить. Посадил жену в машину, разрешив взять с собой только одну хрустальную вазу – чтобы цветы было во что ставить – клятвенно заверив тещу с тестем, что эти самые цветы будет дарить жене каждые выходные.

После отъезда молодых, Дмитрий Павлович пыхтя и охая, уложил приданное на антресоли, под всхлипывания Анны Ярославовны.

– Не плачь, Аннушка, время – дело такое... сегодня им ничего не надо, а завтра с руками оторвут. Мода-то возвращается, – ласково погладив жену по пухлому плечу, пророкотал Митя.

Птичье молоко

В СССР торт на праздничном столе был не просто признаком достатка, а, так сказать, гарантом и воплощением этого самого достатка. И, конечно же, за этим самым гарантом приходилось выстаивать многочасовые очереди. Да и то не всегда удавалось приобрести вожаделенный продукт – тортики в магазины привозили в ограниченном количестве.

В далеком 1986-м мы с подружкой Лидой учились в столице. Приезжим тогда давали общежитие, а так как учились мы хорошо, то получали и повышенную стипендию. Правда, торт на нее купить было не то, чтобы сложно, а нереально. Каждый день, по дороге из училища мы проходили мимо небольшого магазина с заманчивой вывеской «Торты», где продавались шедевры кондитерского искусства тех лет – «Прага», «Киевский» и, конечно же, «Птичье молоко». Мы с завистью смотрели на тех счастливых покупателей, кто мог позволить себе, отстояв очередь, подойти к прилавок и буднично произнести: «Один „Киевский“, пожалуйста и завяжите красивую ленту на коробке». Ленты завязывали не всем, т. к. за нее нужно было заплатить отдельно. Но были те, кто платил и уходил из магазина с красивой коробкой, перевязанной ярко-красной лентой, в руках.

– А давай, тоже купим торт! – однажды предложила Лида.
– Да ты что! Откуда у нас столько лишних денег? – возра-

зила я, вытаращив на подругу глаза.

– А мы накопим! Давай с каждой стипендии откладывать понемногу, а потом купим торт. Соглашайся! Ну, пожалуйста! Всего-то 8 рублей надо и купим «Птичье молоко!» Говорят, он очень вкусный! – соблазняла меня подружка.

– Ну хорошо, – сдалась я, – до летних каникул нам осталось 4 месяца. Будем откладывать по 1 рублю и как раз после летней сессии купим себе вознаграждение – торт «Птичье молоко».

– Ураааа, – радостно завопила подружка, подпрыгивая на жгучем февральском морозце.

Сказано – сделано. Февраль, март, апрель и май пролетели незаметно. Мы добросовестно откладывали деньги на торт, отказывая себе в походах в кино за компанию и прочих мелких радостях. Летняя сессия подходила к концу, когда подружка получила письмо из Ленинграда, где проходил службу ее молодой человек, за которого она собиралась замуж, как только он отдаст долг Родине. Письмо до банальности простое, он встретил другую, и освобождает Лидию от всех обещаний. Подруга проплакала в подушку всю ночь, а утром пришла ко мне и попросила разрешения потратить все наши накопления, в сумме 8 рублей на поездку в Ленинград.

– Таня, как ты не понимаешь, это мой шанс! Я приеду, он меня увидит и забудет эту лахудру новоявленную! Я все верну. Все 8 рублей, обещаю, – плакала и клялась сквозь слезы подруга.

– А как же торт? – вздохнула я. Мне было жаль честно сэкономленных 4 рублей, при стипендии в 30 р. – сумма не пустячная...

– Какой торт? Как ты не понимаешь, бесчувственная амеба, у меня счастье рушится?!

Я промолчала, но деньги отдала. И Лидка укатила в Ленинград, едва сдав последний экзамен.

Прошло лето. Осенью мы все вернулись в стены родного общежития, но только не Лида. Она бросила учебу, говорили, что вышла замуж... Связь с ней я потеряла, впрочем как и надежду отведать заветный торт. После окончания техникума, по распределению уехала в сибирский Барнаул, да так там и осталась, вышла замуж, родила двоих детей...

И вот спустя почти 9 лет раннее воскресное утро 25.06.20** началось для меня со звонка в дверь. Проклиная весь мир, я выползла в коридор, отперла дверь и обомлела. На пороге стояла Лида... Немного постаревшая за эти годы но все такая же улыбчивая и говорливая. За ее спиной возвышался муж в форме капитана первого ранга ВМФ, державший в руках коробку с тортом, перевязанную ярко-красной лентой.

Силуэты

Зоя была очень смышленной девочкой. Уже в 2 года она отлично понимала, что каша – это невкусно, хотя и полезно. Зато Зоя любила гулять. Она уверенно шагала, держась за мамину руку и рассматривая витрины. Магазинов в центре города было много. За чисто вымытыми стеклами прятались бутылки с молоком, висели связки баранок и стояли

изящные вазы с конфетами и фруктами. Больше всего Зоя любила магазин, в витрине которого стояли манекены в человеческий рост, наряженные в свадебные платья. У моделей были совершенно человеческие лица с огромными голубыми глазами и алыми губами. Волосы у них тоже были совсем как у людей: мягкие и шелковистые, черные, рыжие, блонд... уложенные в разные прически под тонкими складками фаты. Зоина мама работала в этом единственном на весь город магазине свадебных платьев. Иногда она брала с собой Зою и тогда девочка могла целыми днями сидеть в магазине, играя со своей любимой куклой или читая книгу, а когда ей надоедало играть, она принималась рассматривать манекенов и свадебные платья с пышными многослойными юбками, узкими рукавами, расшитые бисером и отороченные кружевом. Целомудренно-утонченные и более смелые с декольте... Белоснежные, как прослойка торта «Птичье молоко».

Когда Зоя пошла в первый класс, многие девочки в школе ей завидовали, ведь она могла после занятий пойти к маме в магазин, сидеть за прилавком и наблюдать, как молодые комсомолки порхали по залу, выбирая наряд для самого счастливого дня в своей жизни. Как и любая другая девчонка, Зоя мечтала, что однажды она тоже придет в этот магазин за нарядом для самого счастливого дня в своей жизни...

В 14 лет Зоя стала помогать маме, которая была уже директором магазина «Свадебная мода». После уроков, Зоя приходила в магазин, чтобы помочь продавцам переодеть и переставить манекены в витрине, развесить новые платья или прибраться. На 25 руб, которые Зоя получала, как уборщица магазина, девушка покупала сладости или какие-то девичьи безделушки. В годы дефицита достать что-то действительно стоящее было трудно. Однажды девушка загорелась идеей купить настоящие джинсы. После упорной работы в летние каникулы и нескольких месяцев жестокой экономии, Зоя накопила на желанную обновку, однако приобрести ее получилось не сразу, а лишь спустя некоторое время, достав через знакомых по большой просьбе и маминой протекции. Зато в выпускном десятом классе Зоя была самой модной девушкой. Джинсы тогда были редкостью и стоили дорого.

Работая в свободное время в магазине, Зоя привязалась к манекенам, которых столько раз переодевала и переставляла за эти годы. Каждой кукле она дала имя, нетрудно было различать модели, ведь все они были такие разные, у каждой свое особенное выражение лица, цвет волос и поза. Иногда Зоя смотрела на них и представляла себе их характеры –

вот эта брюнетка – модница, а вон та – рыженькая – хохотушка, русоволосая – стеснительная, скромная девушка... Когда пришло время поступать в институт, Зоя выбрала столичный ВУЗ. В вечер перед отъездом, девушка пришла в магазин, попрощаться с сотрудницами, а после подошла и к каждой кукле. Одной поправила воротничок на платье, другой – локон. Казалось, будто бы манекены печально улыбаются в ответ...

Москва закружила и понесла... Институт, общежитие, первая настоящая любовь, предложение руки и сердца, военные городок, рождение сына. Свой самый счастливый день, Зоя встретила в простеньком брючном костюме. Через 2 часа самолет, не до платья было...

Спустя 14 лет, Зоя приехала в родной городок и как-то случайно оказалась на центральной улице. Знакомое здание с колоннами и вывеской «Свадебная мода» привлекло внимание. Зоя бегом бросилась через дорогу, распахнув стеклянные двери, торопливо вошла внутрь... Она ожидала увидеть старых знакомых – брюнетку – модницу, рыженькую – хохотушку... но наткнулась на безликие, безголовые силуэты-вешалки, облаченные в вульгарно-разноцветные платья, расшитые пайетками, стразами, перьями... За прилавком

скучала парочка абсолютно одинаковых продавщиц с наращенными ногтями и ресницами, намакияженными одинаковой нюдовой помадой и бронзатором. Окинув взглядом зал, Зоя медленно покинула магазин.

«Вот так и люди... стали просто силуэтами», – подумала Зоя, оказавшись на улице и тихая ностальгическая грусть об ушедшей юности захлестнула ее.

Старая могила

Семён Никифорович был человеком мужественным и бесстрашным, да и как иначе, ведь должность городского не позволяла быть трусом и нюней. В Господа Семён верил, но не так чтобы уж свято, мог и рюмочку пропустить в выходной день и маслица в кашу положить в пост, но к службе своей относился со всей строгостью и букве закона следовал ретиво. А потому и уважало его начальство особо и отмечало всяко. Выйдя в отставку, Семён Никифорович, тем не менее, не оставил службы, не осел дома. Устроился приглядывать за новым, недавно открывшимся городским кладбищем. Могил там было еще мало, но со временем погост обещал разрастись, ибо такова людская дань неумолимому времени и собственным порокам. Семён ночами прохаживался меж могилами, шугал богохульников, приглядывал, чтобы со стройки небольшой часовни ничего не унесли лихие люди. Так и коротал старость.

Всё бы ничего, так и дослужил бы свой век бывший городской сторожем, да на беду грянула в стране революция. Красные, белые, сам чёрт не разберёт какой шум в стране подняли... Отголоски шума этого докатились и до уездного городка на Волге. Погнали прежних «отцов города» с привычных мест, имущество их национализировать принялись.

А лихим людям только того и надо. Голод 1921 года многих в землю зарыл, но ещё больших заставил тех покойников из земли поднимать. По городу поползли слухи, что богачи в могилы золота да бриллианты захоранивали и повадились оторви-головы на кладбище шастать и могилы те раскапывать. Семён гонял и шугал сорванцов как мог: и ружье – старую дедову берданку времен покорения Крыма – солью заряжал и из трофейного нагана в воздух палил, костры жёг... Да ничто не помогало.

Убили Семёна Никифоровича в потасовке. Не в то дело полез старик, могилу купеческую хотел отстоять. Долго еще в предрассветной тишине летели отзвуки стариковского голоса: «Да что же вы, нехристи, делаете-то? Почто покойницу-то тревожите? Креста на вас нет, ироды...» Окоченевший труп сторожа нашли ближе к полудню, когда жена подняла шум, что не вернулся старик домой, как всегда после заутрени. Да поздно спохватилась. Жутко было смотреть соседям на скрюченные пальцы покойника, на вытянувшееся тело – до последней капли крови Семён старался добраться до ворот кладбища, позвать на помощь, да видно не судьба была... Там его и похоронили, на Воскресенском погосте.

За круговертью все быстро позабыли о Семёне Никифоровиче. Родных у него в городе никого не было, старуха его померла вскорости. Поговаривали, что была у них то ли дочка, то ли сын, но где-то далеко – то ли в Харькове, то ли в Хабаровске. Коротка людская память, быстро уходят из нее

воспоминания, быстрее даже, чем надпись на могильном камне.

Лена торопливо шла через закрытое городское кладбище, решив срезать дорогу до дома. Работала девушка в небольшом цветочном ларьке на остановке. И каждый вечер, заперев двери торгового павильончика, шла домой, ревностно прижимая к боку сумочку, в которой лежала вся дневная выручка. Раз в неделю, в свой выходной, Лена отвозила деньги в банк. Ежедневно делать это она не могла, так как работала допоздна. Дорога через кладбище была короткой – всего-то 10 минут и дома, поэтому девушка предпочитала ее своему пути. Было что-то особенное в этих ежедневных прогулках. Тишина старого, уже закрытого погоста привлекала цветочницу своим величием. Обычно по пути домой, девушка любила пофилософствовать сама с собой о бренности бытия и быстротечности времени, но на сей раз ей было не до того.

Покидая магазинчик, Лена заметила подозрительного вида мужчину, который молчаливо стоял на противоположной стороне улицы, будто бы ожидая кого-то. А теперь девушке постоянно чудились шаги за спиной. Не выдержав напряжения, она побежала и в тот же миг услышала за спиной тяжёлое дыхание преследователя. Ужас захлестнул беглянку. Ни за деньги она боялась, нет... собственная жизнь была ей до-

роже любых сумм. Впопыхах свернув не туда, Елена, вместо того, чтобы пересекать длинное узкое кладбище, побежала вдоль него. Сумерки давно сгустились и вот-вот должна была наступить непроглядная темень, фонарей на погосте не было. Будучи лучшей бегуньей, не раз защищавшей честь родного техникума на разных городских соревнованиях, Лена надеялась оторваться от преступника, но тут вдруг услышала за спиной окрик и рев мотоцикла. Похоже у преследователя объявился сообщник.

Холодея от страха, девушка из последних сил бросилась в самую заброшенную часть кладбища, торопливо шепча: «Кто-нибудь, ну хоть кто-то помогите! Помогите!» Вдруг оступившись, цветочница кубарем полетела вперед в какие-то кусты. Земля ушла из под ног и, девушка больно ударившись обо что-то твёрдой, потеряла сознание.

Очнувшись, Лена увидела вокруг темноту и далекие звезды. Пошарив вокруг, девушка едва не закричала от ужаса. Но вовремя сдержалась, услышав совсем рядом мужские голоса:

- Куда эта стерва делась?
- Да чёрт её знает! Сам же видел, впереди бежала.
- У, сучка... найду, всю шкуру сдеру заживо с этой твари.
- Так найти надо... сперва, а уж потом и позабавиться можно.
- Ищи вон давай, позабавиться ему надо!

Зажмурившись от страха, Елена слушала, как эти двое рыскали по кустам вокруг, а потом, спустя какое-то время, стали удаляться. Послышался рёв мотоциклетного мотора. Похоже, преследователи бросили свою затею. Открыв глаза, девушка посмотрела на небо – оно начинало светлеть. Майские ночи короткие. Когда света стало уже достаточно, Лена увидела, что провалилась в старую могилу и лежала на крышке гроба...

В старых архивах не сохранилось записей о том, кем был Удалов Семён Никифорович, но старик-сторож, живший при кладбище в убогом домике, построенном еще до революции, рассказал Лене историю о смелом городовом и его борьбе с преступниками в 20-е годы. Бережно сохраненные приемником сторожа записи, хранившиеся в домике помогли Елене узнать, кто спас ее той ночью.

Стол переговоров

Вот говорят, что в семейной жизни, главное – это находить компромиссы. Для этого нужно садиться за стол переговоров и слушать партнера, и чтобы партнер тебя слушал... ну и все такое.

Мои родители прожили в браке 60 лет. За это время они успели и меня вырастить и брата, погулять на одной

и на другой свадьбе и понянчить внуков – моих племянников. Ссорились ли они? О, да... много-много раз. По пустякам и не очень. Иногда не разговаривали неделями, не скрывая это от нас с братом. Отец и мама никогда не прятались за отговорками, а честно говорили, что поссорились и им нужно время, чтобы помириться. Потом они мирились – снова мама болтала и смеялась, а отец подкалывал ее совсем подурачки и... они были на одной волне.

Но никогда! Ни единого раза они не сидели за столом переговоров! Никогда! За все 60 лет. Их «столом переговоров» была она – папина любовница, как звала ее мама – черная лаковая ГАЗ 13 «Чайка», отец купил ее на свои сбережения вскоре после рождения первенца – моего брата – и любил чуть меньше мамы. Родители всегда на отдых ездили вместе и брали с собой нас с братом: летом – на шашлыки, зимой – на лыжную базу...

Каждый раз, поссорившись, родители расходились по разным комнатам, а потом отец брал ключи от машины и шел за мамой, брал ее за руку и вел в гараж. И как бы зла не была мать, она покорно следовала за отцом – «стол переговоров» – это святое. В гараже они вставали по разные стороны от машины (мама, рост которой был чуть больше метра, всегда вставала на скамеечку) и говорили, положив руки на крышу авто. Один говорил, другой слушал, потом наоборот. Они говорили не друг с другом, они говорили с машиной, рассказывали ей почему поссорились. Так они и мирились...

Когда брат серьезно поссорился со своей девушкой, отец дал ему ключи от «Чайки». «Езжай, сынок, мирись и слушай, что скажет!», – сказал тогда папа. Через год брат и Лена (та его девушка) поженились. Но и потом они, поссорившись, приезжали сюда. Всегда порознь – он на машине, она минут через 10 после, на такси. Оба хмурые и молчаливые. Шли в гараж, где «Чайка» слушала их. Мама в такие дни всегда немного нервно ставила тесто на блинчики, а папа ухмылялся: «Не переживай, наша девочка и не таких мирила!»

Честно говоря, я никогда не верила в то, что машина может помирить, мне просто нравилась эта семейная традиция, как и многие другие, типа нарядной ёлки на Новый год и кулича на Пасху, или семейных обедов по праздникам... я радовалась, что мама и папа уже столько лет вместе... И никогда не верила, что это благодаря авто 19-какого-то там года выпуска.

Не верила, пока не разругалась, что называется в «пух и прах», со своим женихом. Отец зашёл ко мне в спальню, когда я стояла с ножницами в руке, намереваясь в клочки порезать свой свадебный наряд. В руках у него были ключи. «Ну-ка, пошли», – строго сказал он. И мы пошли в гараж. Он поставил нас с Павлом по разные стороны «Чайки» (да, мне, как и маме пришлось встать на скамеечку, чтобы чувствовать себя более-менее комфортно) и сказал, уходя, только одно слово: «Говорите!» И вот тогда я почувствовала это.

Почувствовала всю ту магию этого места; всю глупость нашей ссоры. И полувековую мудрость железного сердца машины, спасшей уже ни один брак...

P.S.: Родителей нет уже почти пять лет, ушли один за другим с разницей в 4 дня. А папина любовница все еще стоит в гараже. Мы с братом по очереди «выгуливаем» ее, уезжая со своими половинками, то на шашлыки, то на лыжную базу. И у него, и у меня в семье бывают ссоры, но каждая из них заканчивается одинаково – примирением, стоя по разные стороны от лаковой крыши ГАЗ 13 «Чайка». Вчера племянник поссорился с девушкой... Брат отдал ему ключи со словами: «Езжай, сынок, мирись и слушай, что скажет!». «Чайка» продолжает свою скромную службу на посту нашей личной семейной Гести.

Ступени

Раз-два-три... – семнадцать...

Иван Петрович каждое утро, спускаясь в подземный переход пересчитывал ступени. Их всегда было одинаковое количество, но Иван все равно пересчитывал, просто так на всякий случай. Утром 14 мая он сделал это как обычно, хотя ему и хотелось от радости прыгать через две ступеньки. Шутка ли, ни каждый день человек получает ключи от собственной квартиры. Пусть небольшой, но все же квартиры, где есть отдельная ванная комната и кухня. После трех лет в общежитии, где на 6 семей была единственная кухня и уборная, собственная квартира казалось Ивану Петровичу раем. Мойся в ванной сколько влезет, жарь на кухне картошку и валяйся на диване. Хотя наш герой и не был лентяем, но, признаться, минувшие выходные он именно так и провел: валялся на диване, жарил картошку и мылся в ванной, наслаждаясь тишиной и одиночеством. Супруга (именно женитьбе Иван и Наталья были обязаны получением «своего угла») уехала к родителям в деревню, и Иван хозяйничал сам.

В то утро 14 мая он весело бежал через подземный переход на трамвайную остановку, чтобы ехать на родной завод в утреннюю смену. Иван Петрович был токарем. Ступени в переходе были новенькими, его открыли совсем недавно,

все-го-то несколько недель назад. А вот и трамвай, ярко-синий, сверкая свежей краской на бортах, подъехал к остановке и замер, распахнув двери. Прокомпостировав билет, Иван Петрович улыбнулся ласковому весеннему солнышку и приветливо помахал рабочим, вешавшим фонарь над остановкой. Один из них махнул Ивану в ответ.

Раз-два-три... – семнадцать...

Кристина родилась осенью. В ноябре. Иван хорошо помнил, как стоял под окнами родильного отделения и с тревогой ждал новостей. Не менее хорошо он помнил и тот день, когда уже немолодая нянечка вручила ему огромный конверт с новорожденной на крыльце этого самого медучреждения, когда он приехал забирать домой жену и дочку. Это был один из самых радостных дней в жизни Ивана Петровича. В тот день он снова считал ступени в переходе, спеша на трамвай. А потом они с Наташей и Кристиной ехали обратно на таком же ярко-синем трамвае, и он очень крепко прижимал к себе ярко-розовый конверт. Был уже вечер, когда они вышли на своей остановке и ярко-желтые фонарь освещал все вокруг, делая остановку как-то по особенному уютной, несмотря на первые заморозки и морозящий дождик.

– Какой же у нас все же красивый город, – вздохнула мечтательно Наталья, беря мужа под руку и прижимаясь к его плечу. Он только улыбнулся в ответ, приподнимая краешек

розового одеяльца от ветра.

Раз-два-три... – семнадцать...

Теперь уже они каждое утро считали ступени вместе. Папа и его школьница-дочка.

– До вечера! – помахал он рукой в окно отъезжающего трамвая.

– До вечера, папа! – крикнула в ответ Кристина, стоя на тротуаре.

Иван Петрович каждое утро провожал дочь в школу, нахажившуюся на две остановки раньше, чем завод, где он работал. Вечером Кристина уезжала домой раньше, но всегда ждала его дома у окна, из которого был виден и переход, и трамвайная остановка, освещенная ярко-желтым светом фонаря. По вечерам уже она махала ему в окно, когда он приближался к дому.

Раз-два-три... – семнадцать...

Снова он считал один, иногда чуть грустно вздыхая и тут же одергивая себя. После школы Кристина поступила в столичный институт. Получила профессию, по распределению попала в Подмоскovie, да так там и осталась. Они с Наташей ездили в прошлом году на свадьбу...

Скоро-скоро внуки народятся. Скорей бы уж. Так хочется понянчить, поиграть, научить всему, что сам знаешь, и снова считать ступени, сжимая в своей руке крошечную ручку,

хоть на мгновение, но возвращающую молодость...

Раз-два-три... – семнадцать...

Ступени от времени потемнели, местами на них появились щербины и сколы. В 90-е убыточным стало предприятие городского электротранспорта и только чудом еще не закрылось – новые трамваи теперь не закупали, а старые не красили. Да и фонарь на остановке все чаще не работал. Ивану Петровичу не хватало его теплого желтого света, создающего уют даже в первые заморозки и изморось.

Вчера он уже не считал ступени. Вчера заслуженного ветерана труда проводили на пенсию...

Твоё время

Женщина в белоснежном, тщательно застегнутом на все пуговицы халате вошла в палату. Осторожно опустившись на стул у постели больного, она замерла, глядя на лицо спящего человека. Его лицо было спокойным и умиротворенным, как часто бывает во сне. Он слегка улыбался, немного по детски и немного наивно. Женщина сама улыбнулась и в этот момент он открыл глаза.

– Света, ты пришла, я так ждал. Вот все не умирал, ждал, пока ты приедешь со своей конференции, – тихо прошептал он. Его скрипучий голос был едва слышен.

– Ну что ты, дедушка, ты еще на моей свадьбе танцевать будешь, – улыбнулась Света. И в ту же секунду почувствовала, что она больше не врач. Она снова стала маленькой девочкой, для которой весь мир огромный и добрый. Она взяла морщинистую руку деда в свои нежные ладошки и поразились насколько та была холодна. Не сдержавшись, она спросила:

– Дедушка, что тебе снилось?

– Луг и много цветов. Белые и фиолетовые, – ответил дед, улыбаясь чуть загадочно и мечтательно. – Наша деревня. Я увидел себя снова молодым, совсем еще пацаном. Мы

с мальчишками бегали в лес, собирали валежник. Снег ещё не сошёл, но в воздухе уже пахло совершенно по весеннему. Я бежал в огромных валенках, оставшихся мне от отца... Он ушел на фронт прошлой осенью, а его валенки и телогрейка остались дома. Он отдал их мне, как самому старшему в нашей семье. Сказал, чтобы я заботился о братьях, присматривал за ними, пока он не вернется. И я всю зиму 41-ого проходил в тех валенках и все ждал, когда же отец вернется, но он все не возвращался. В тот день мы с братьями были в лесу, когда я увидел мужчин в серых шинелях... они пришли к нашей деревне. Это были фашисты. Мы спрятались в лесу, вечером на нас наткнулись партизаны, преследовавшие тот немецкий разведотряд. Больше я никогда не видел мать, никогда больше не был в родной деревушке. После войны я узнал, что место то сравнивали с землей, жителей расстреляли, потому что многие помогали партизанам и отказались отдавать немцам еду в тот весенний день. А снилось мне время будто уже после войны... луг, заросший белыми и фиолетовыми цветами... жарко. Конец мая... И вот иду я по лугу, а навстречу мне бегут мама с сестренкой. Смеются обе. Я тоже вроде как побежал к ним навстречу, а ноги не бегут, вязнут словно в болоте. И я проснулся. Такой вот сон, внучка... Ждут они меня там, по ту сторону.

– Дедушка... я очень тебя люблю, – улыбнулась девушка, целуя деда в морщинистую щеку.

– А я тебя, мой цветочек. Ты не бойся, что я умру. Меня

там ждут те, кого я уже очень давно не видел. Кого я очень люблю, – ласково попросил ветеран.

– Я не боюсь, я буду очень скучать, – едва сдерживая слёзы, ответила Света.

– Не плач, – улыбнулся дедушка, – однажды ты скажешь это своей внучке. А пока этого не случилось, я буду ждать тебя и приглядывать за тобой...

Сердечный приступ застал Светлану Сергеевну в магазине. Вроде ещё только 60, а сердце уже пошаливает. «Скорая» ... больница... яркий свет... и огромный луг, усеянный белыми и фиолетовыми цветами. «Сон! Сколько же лет прошло с того дня, когда ей этот сон рассказал дедушка? 30! Как быстро летит время!» – подумала Света. Подняла женщина глаза, а на другом конце луга стоит дедушка и что-то кричит ей, Света хотела побежать к нему навстречу, но ноги не слушались, словно бы увязая в болоте... И она проснулась в палате.

Молодой ординатор торопливо вошёл в палату, на ходу застегивая халат. Присел на край стула у постели матери и замер с тревогой в глазах, держа ее руку в своих ладонях.

– Мама, ты только не умирай, – попросил он.

– Не бойся, сынок, твой прадедушка не пустит меня на тот

свет, — улыбнулась женщина в ответ, — когда-то давно он обещал, что я еще успею помянуть внучку.

Фальшивая кража

В ныне далекие СССР-овские годы учебы в институте были у меня две подружки. Дружили мы, как говорится, не разлей вода. Везде вместе ходили: на танцы, на капустники, в кино, даже на картошку ездили вместе. Дружбе нашей женской многие завидовали, многие удивлялись, но против никто ничего не имел.

Пять лет пролетели незаметно. Полным ходом шла подготовка к защите диплома. Весна. Май. Голова кружится от счастья и любви. И вот одной из моих подружек – Ирке – отец прислал денег. По тем временам сумму немаленькую. Ну, подарок на день рождения или к защите. Не знаю. Прислал в общем. Ирка счастливая до безумия деньги спрятала в общаге на антресоли, собиралась после защиты купить путевку и махнуть к морю. О деньгах никто кроме нас троих не знал. И когда, спустя неделю, деньги пропали, подозрение сразу пало на меня и на Надю – третью подругу. Ирка плакала, грозилась пойти в милицию, опозорить. Конечно, ей никто не поверил – откуда у студентки такие деньги! Да и не поймала же она воровку за руку. Так дружбе нашей пришел конец. Я сразу после защиты уехала по распределению в Куйбышев, Ирка – в родной городок, а Надя – поехала в Крым, отдыхать. Конечно, ее Ирка и обвинила в краже.

Мол, позавидовала подружка и решилась на такую подлость.

Так бы и жила я в неведении и подозревала бы подругу, если бы не встретила ее неожиданно-негаданно на улице Севастополя, спустя 10 лет после того случая. Встретились, разговорились, кто да как теперь. И я не утерпела, спросила: «А помнишь, Надя, как у Иры деньги в общаге украли? Она ведь на тебя думала!» «Помню, – спокойно ответила подруга. – Только никаких денег у нее никто не крал! Мы с Ириной сводные сестры. У нас разные папы, а мама одна. Деньги эти мне папа прислал. А на почте их Ира получала, потому что я болела. Она мне их отдавать не хотела, поэтому я просто взяла их и уехала в Севастополь к папе, как и мы с ним и договаривались. Просто никому ничего не стала рассказывать, чтобы не выносить семейные дразги. Хотела быть выше этого.»

Хранители душ

тик-так***тик-так***

Дед Артём как всегда в послеобеденный час распахнул окно настежь и присел за свой рабочий стол, примостив рядом внушительную армейскую кружку, до краёв налитую горячим чаем. Не спеша, аккуратно и любовно свернул самокрутку. Закурил, глубоко затянувшись, и задумчиво посмотрел за окно. По весеннему небу лениво плыли облака, ветер раскачивал молодые березки на опушке небольшого лесопарка, начинающегося сразу по ту сторону скоростной автомагистрали.

– Что ж ты, старый, себя не бережёшь-то?! Простудишься ведь, – заходя в комнату, проворчала Настасья – жена деда Артёма.

– Молчи, мать, – ответил тот, – день нынче дивный и солнышко уже по летнему греет.

– Простудишься, – настаивала на своём жена.

– Цыц, ... баба!

Настасья Никитишна только рукой махнула – спорить с мужем она не умела. Себе дороже выходило. Жена ушла, тяжелой, шаркающей походкой, а дед Артём погрузился в работу. Дело своё он любил и пользовался немалым уважением соседей. Он был часовщиком. И хотя в нынешнее время профессия эта – не редкость, не то, что до войны, а при-

быль приносила. Со всего города и области везли деду Артёму на починку часы. Старинные, антикварные, дореволюционные, а порой и обыкновенные. Он с любовью принимал в свои руки «больных», порой самых безнадёжных. Что-то подкручивал, заменял в механизме, продлевая тем самым жизнь хранителей времени. Вот только не любил дед Артём электронику.

– Не часы это, – говаривал он, бывало, своему внуку и приемнику, – нет у них сердца. Запомни, внучек, механические часы, это тебе не бездушная электроника! Они живые, с годами, подстраиваясь под ритм жизни своего хозяина, они начинают тикать в унисон с его сердцебиением, жить с ним одной жизнью. Механические часы – часть своего хозяина. Я знал много случаев, когда вроде бы исправные часы отказывались работать, а потом выяснялось, что в момент смерти своего хозяина они были на нём. Смерть человека часто становится смертью его часов. Уже никакая сила не способна заставить их вновь тикать! Но бывало и так, что стоявшие много лет после смерти хозяина часы, вдруг сами собой начинали тикать, это означало, что душа их владельца снова вернулась в наш мир ...и скоро в семье появится малыш... Помни, Пашка, часы – это хранители душ.

Внук Пашка внимательно слушал деда, перенимая не только его знания, но и его мудрость. И нелюбовь к электронике.

ТИК-ТАК***ТИК-ТАК***

Часовщика не стало тёмной ноябрьской ночью. Умер от пневмонии, долго проболев, дед Артём. А спустя два года почил и Настасья Никитишна. Опустила квартира. Лишь внук Пашка иногда заглядывал сюда. Грустно присаживался за старый дедушкин стол и все вертел в руках часы деда Артёма, приговаривая, будто покойник мог его слышать:

– Эх, деда-деда, я тебе не верил, а вот она сказка твоя, былью обернулась. Остановились часики-то, сломалось в них что-то, как ты ушёл. Возвращайся, деда...

Но никто не отвечал Пашке в пустой квартире, никто, даже часы в его руках...

тик-так***тик-так***

«Горько! Горько!» – заливисто кричали подружки невесты, за ними тянули «шарманку» остальные гости. Светка краснела, смущалась, подставляя губы под Пашкины поцелуи... А гости хором кричали:

– Один, два, три, четыре...

Квартира деда Артёма досталась молодым. В первую же годовщину свадьбы в знакомых с детства стенах, Пашка отчетливо слышал в темноте: «тик-так, тик-так, тик-так...»

– Показалось, – подумал Пашка, срывая с себя одеяло. Бегом бросился в дедушкину комнату, не включая света, нашарил на столе часы и сердце сжалось от знакомого тиканья.

тик-так***тик-так***

Тёмной ноябрьской ночью, на свет появился долгожданный первенец Светланы и Павла. Крепыш почти в 5 кг. веса.

Всю ночь дежуривший в коридоре отец, не сомкнул глаз, всё ходил из угла в угол, прислушиваясь к крикам из преддродовой и пытаясь отгадать голос супруги. Волновался, хотя доктора и говорили, что причин нет и всё сжимал в руке старые дедушкины часы.

– Как сына-то назовёте, – донимали молодого отца родственники.

– Артём, – не задумываясь, отвечал Пашка и добавлял, смущаясь, – в честь дедушки. Он всегда говорил, что если однажды остановившиеся часы снова пойдут, значит его душа вернулась в наш мир.

А Светлана, слушая эту историю, улыбалась, вспоминая как-то рассказанное Пашкой воспоминание о деде Артёме и его любви к механическим часам, подсказавшее ей оригинальный способ сообщить мужу о беременности.

Машина времени времен СССР

– Как говорится, танцуйте, товарищи! – заявил на утренней планерке главврач нашего мед. учреждения, хитро улыбаясь.

– Неужели премия! – всплеснула руками дородная заведующая отделением патологии, выразив надежды всего коллектива «Родильного дома №8 г. Челябинска».

– Почти угадали, – улыбнулся главный.

– План по КС поднимать не будут? – с искренней надеждой вопрошал главный гинеколог.

– Ремонт будет! – решив больше не томить коллег, провозгласил шеф. – Поступило финансирование и теперь можно запускать тендер, искать подрядчика, ну и... все такое.

Ремонту были рады. Старые полы и истертый линолеум давно просились на свалку, а роженицы то и дело писали в соцсетях о деревянных окнах, в которые дует. Много чего хотелось, но сделали то, на что хватило денег. В частности заменили пол в приемном отделении на первом этаже. Бригада была (как ни странно) русской и работала бойко.

В самый разгар работ случилось странное ЧП.

Сергея и Игорь уже заканчивали разбирать старые полы в приемном, когда вдруг ни с того ни с сего помещение заполнилось сизовато-молочным дымом.

– Пожар что ли? – удивленно вскинул брови Сергей.

– Да не... – усомнился напарник. – Не пахнет ничем. Фигня какая-то, нав...

Договорить он не успел. Туман рассеялся и прямо посреди отделения возник молодой улыбающийся мужчина в темно-синей рабочей спецовке и с какой-то железякой, напоминающей то ли часы, то ли компас, в руках.

– Привет! – радостно помахал рукой незнакомец.

– Здравссьте, – все так же неуверенно протянул Игорь. – А Вы кто?

– Михаил! – представился гость. – Инженер-строитель. Я из 1980-го.

– Простите... из какого-какого? – не поверил Серега.

– Из одна тысяча восьмидесятого года, – медленнее произнес Михаил. – Я изобрел машину времени и вот я здесь! Я ненадолго, только хотел узнать как живут наши потомки, что у вас тут? Как? Коммунизм-то построили?

– Кхе-кхе... ну это... эм... – замялись потомки.

– Значит нет, – как-то буднично подвел итоги Михаил. – А я говорил, что войны эти до добра не доведут. Третьей Мировой-то хоть не было пока?

– Не было, – улыбнулся Сергей и вдруг спохватившись, спросил, – а вы-то там как, в своем «восьмидесятом»? Говорят, при Брежневе жилось хорошо! Все было: еды вдоволь и платили зарплаты хорошие... Мне отец все рассказывал...

– Дурень он! – махнул рукой гость из прошлого. – Зарплата у плотника хорошо, если 200 рублей, а прокорми-ка на эти

денежки пятерых малых. Работа тяжелая. С продуктами вроде ничего, но мяса нет... годами не видим. Зато негров кормим и в Камбоджи, и в Индии, да и Ирану помогаем. Войны. Войны. Все ждут и боятся Третьей Мировой. За детей страшно... – гость хотел еще что-то сказать, но тут вокруг снова начал сгущаться тот самый туман.

– Третьей Мировой не будет! Не бойтесь! – только и успел крикнуть напоследок гостю из прошлого Серёга.

– Вот тебе и «щасливое советское прошлое», тьфу, – подражая старческому голосу, сплюнул Игорь. – Кругом одни отписки для «галочки» и политкорректность.

P.S.: рассказ основан на записке (послании из прошлого), найденной в одном из роддомов г. Челябинска. (<https://maxim-nm.livejournal.com/440985.html>).

Полный текст письма таков:

«1980 год. 16 октября. Здесь работала бригада плотников Горланова Николая. Плотники Лавренев Михаил, Литвиненко Михаил, Аникин Федор и другие. Всего 16 человек. Зарплата плотника 5-го разряда 180—200 рублей в месяц. С продуктами вроде-бы и ничего, а вот мясо мы не видим годами. Наш руководитель Брежнев отправляет все за границу неграм Камбоджи, Индии, Ирану, Кореи. Вобщем, жить не очень легко. В Мире не спокойно. Войны, войны. Кто найдет эту записку, сообщите. Пока всё. До свидания. Лавре-

Эксперимент

В моей любимой детской книжке загадок была одна, не дававшая мне покоя. «Какая еда, вари ее хоть в пяти пудах соли, никогда не будет соленой?» – гласила загадка. Мама-домохозяйка, опираясь на собственный многолетний кулинарный опыт, авторитетно заявила, что это обычное куриное яйцо. Папа-физик, преподававший в ВУЗе, долго пытался объяснить нам с братом что-то о плотности веществ и проводимости, но вскоре сдался и просто согласился с мамой.

– А давай поставим эксперимент! – предложила я брату, как только мама ушла в магазин, оставив нас «на минуточку» одних и наказав мне 5 – летней следить за братом, потому что я «уже взрослая».

– А как это? – удивился мой братишка.

– Это просто! – с энтузиазмом воскликнула я и мы поспешили на кухню... проводить эксперимент.

Так как я понятия не имела, что такое пуд соли, а уж тем более не представляла объем пяти пудов соли, однако я была логичным ребенком и предположила, что это много, поэтому в кастрюлю с водой была опрокинута вся громоздкая солонка и содержимое половины пакета, стоявшего в шкафу «про запас». Вода от этого не изменилась, но закипала как-то медленнее. Однако это нас с братом не особо сильно расстроило.

— А яйк нет, — вдруг провозгласил мой помощник, приоткрыв дверцу холодильника.

— Как нет? — удивилась я.

— Совсем... нет, — понуро ответил брат. И тут я вспомнила, что именно за яйцами-то мама и побежала в ближайший «ларек» (к ужину планировались блинчики, а последние «яйки» мы съели на завтрак).

Эксперимент летел коту под хвост. Разочарованно мы с братом поплелись в комнату, раскрашивать картинки цветными карандашами, недавно купленными нам папой. Выбегая из кухни, я закрыла за нами дверь, как всегда учила мама.

P.S.: Даже сейчас, почти 20 лет спустя, я все еще отчетливо помню ужас в мамином взгляде, когда вернувшись в тот день из магазина, она застала полную кухню пара и гари, а на конфорке абсолютно пустую и почерневшую изнутри кастрюлю...

P.P.S: Нас никто не ругал за наш «эксперимент», который пошел не так, за испорченную кастрюлю и шторы. Никто. Но ужас в маминых глазах стал самым страшным наказанием. Следующие лет 10 она не оставляла нас одних дома даже «на минуточку»...

Цикл рассказов – «Ее ещё как надо бояться, Сэм!»

Соседи по шкафу

* * *

Дана осторожно повернула ключ в замочной скважине

входной двери и, стараясь не шуметь, проскользнула в квартиру. Внутри царила сонная тишина. Она защелкнула цепочку и скинула туфли. Тишина все еще звенела... Девушка сняла пальто и пристроила его на почти пустой вешалке в прихожей. На цыпочках вошла в кухню и поставила на плиту чайник. Заварив чай, присела к столу и принялась за ужин, состоявший из пары бутербродов.

– Привет, Дана, – раздался за ее спиной тихий голос.

– Привет, – тихо ответила девушка, а сама подумала о том, что, вопреки ожиданиям, вечер снова покатился к чертям и лучше бы было вместо «привет» ответить «пошел к черту», но она продолжала улыбаться, пока новый обитатель кухни все говорил и говорил, и говорил, не умолкая ни на секунду и не давая ей слова вставить. Вспоминая прошлое, Димку-женатика и его беременную Таньку, обещавшую повыдирать Данае косы вместо того, чтобы следить за своим окольцованным...

За окном отзвенел последний дежурный трамвай, собеседник умолк, заметив наконец, что его не слушают. Дана помыла посуду и все также на цыпочках прокралась в ванную комнату, где приняла душ и облачилась в милую пижамку с мишками Тедди. На пороге спальни ее поджидал еще один неприятный ей собеседник. Он хотел напомнить ей о дискотеках до утра, о том счастливом времени, в кото-

ром был мет, текила и танцы топлес на барной стойке. И снова она сделала вид, что не замечает его. Боком прошмыгнула мимо и нырнула под одеяло, где её ждал третий. Он появился недавно, а потому пока еще спал с Даной в обнимку, а не ютился в шкафу с остальными. Он осторожно погладил ее по волосам и прошептал, что-то о том, что аборт – это убийство, а в приемной семье «ляльке» все равно будет лучше, чем не родиться вообще...

Дана слышала, как хлопнули дверцы шкафа – это соседи по шкафу забрались внутрь, поняв, что девушка уже легла спать. Они еще долго перешептывались между собой, ворча, что хозяйка их не любит, не уважает и вообще не замечает... А это безобразие и непорядок! Они же заслуженные и более, чем с 15-летним стажем службы.

– Ты вчера пришла поздно, я слышала, – осторожно заметила мама за утренним кофе.

– Прости, что разбудила, – виновато улыбнулась Дана.

– Ну, и? Кто он? – не унималась мама.

– Коллега... с работы один мальчик. На год всего старше, – мечтательно протянула дочь и тут же добавила, предупреждая следующий вопрос родительницы. – Нет, мама, он не женат и у него нет детей от первых браков... да и вообще, ... ничего не получится, я думаю.

– Почему это?

– У меня слишком много скелетов в шкафу и ему они не понравятся, – натянуто улыбнувшись, девушка торопливо выбежала из-за стола, не допив кофе. Через минуту мама услышала, как хлопнула входная дверь. Мама и Данины скелеты из шкафа остались одни в звенящей тишине квартиры.

Моя бабушка – робот

Энни 6 и она активно познает мир, постоянно задает маме и папе вопросы. Самые обычные детские вопросы, например, о том, как устроен мир, почему птицы летают и кто такие пенсионеры... Энни повезло с родителями, они были весь и весьма образованными людьми и могли полноценно ответить на вопросы своей дочери... хотя вот с вопросом о пенсионерах вышел казус... Объясняя ответ, папа упомянул, что пенсионерами становятся бабушки и дедушки, с того дня Энни потеряла покой, буквально засыпая родителей вопросами о том, какие бывают бабушки и дедушки и для чего они нужны. В конечном итоге, как и следовало ожидать, Энни задала мучительный вопрос: «А где моя бабушка?»

Ребенок не спрашивал о том, есть ли бабушка? Впрочем наличие дедушки или отсутствие такового ее тоже не особенно волновало. Ей была нужна именно бабушка и Энни была уверена, что таковая имеется, просто она где-то... потерялась, наверное...

«Где моя бабушка?» – не переставая спрашивала Энни своих родителей, пока однажды папа не притащил домой старого робота (производства еще 2000-х, наверное), умеющего выполнять всего две запрограммированные функции, сказав только: «Вот твоя бабушка-робот!»

Больше Энни-дроид не задавала вопросов своим родите-

лям-киборгам.

Кладбище

Холодный осенний ветер, налетая порывами, гнал по черному небу тяжелые облака. После вчерашнего дождя глинистая тропинка, ведущая к старому, заросшему куманикой и крапивой кладбищу, размокла и просела. Приходилось идти медленнее обычного, чтобы не поскользнуться на коварной дорожке.

Женская фигура, облаченная в длинное темное пальто и ботинки без каблучков, уверенно шагала по направлению к покосившимся воротам старого кладбища. Они недобро скрипнули, словно предупреждая, когда она пересекла границу погоста. Под низкими серыми облаками набатом прозвучал крик ворона, жившего на колокольне старой, покосившейся церкви, на противоположной стороне кладбища.

Незнакомка отбросила капюшон... все так же осторожно ступая по сырой глине, она шла, огибая ограды и надгробия. Тишина, словно плащом окутывала все вокруг. Пройдя немного, женщина остановилась у белого мраморного надгробия, положила на землю принесенные с собой цветы. Слово туман сгустился вокруг. Сложился в человеческую фигуру, сидящую на плите. Фигура призывно похлопала по мрамору – садись, мол. Гостя, запахнувшись в пальто, присела.

– Как жизнь? Все работу ищешь? – спросил дух.

– Нет... работаю, долг выплачиваю...

– А как же я?

– Я помню о тебе, вот даже цветы принесла...

– Хорошо... спасибо... помнишь, как ты мечтала? – призрак улыбнулся – Ирландия, Кавказ и Египет... увидеть своими глазами пирамиды, спуститься внутрь песчаного котлована на раскопках... жара, духота и открытия...

– Я помню. Теперь уже нет. Это не по мне, – девушка резко вскочила на ноги. Налетевший порыв ветра развеял туманную мечту стать египтологом.

Посетительница пошла дальше. За поворотом, на кованной скамейке ее ждал ещё один призрак – одетый в черную форму и ярко-оранжевый жилет со светоотражающими нашивками – он улыбнулся и помахал рукой, с зажатой между пальцев сигаретой. Она помахала в ответ и едва успела отскочить в сторону от несущегося прямо на нее трамвая-призрака, сотканного из молочно-белой туманной дымки.

Северо-западный ветер подул сильнее и девушка услышала знакомый смех и голоса. Петляя между могильных крестов и стелл к ней бежало несколько полупрозрачных фигур. Окружив, они принялись дергать ее за волосы, за руки, полы пальто. Призраки что-то кричали. Некоторые вытаски-

вали из призрачных карманов призрачные айфоны и принялись делать селфи с посетительницей. Кое-как вырвавшись, она закричала, выхватив из кармана пальто пистолет, девушка выстрелила в толпу. Фантомы развеялись, пища что-то о том, что с собственными страхами и тревогами нельзя так обходиться.

Отряхнувшись и поправив волосы, гостя двинулась дальше. Пройдя немного, остановилась у дверей небольшого склепа. Постояла молча, не решаясь постучать, только осторожно коснулась дверной ручки, погладила холодный металл и пошла дальше. Никто не вышел к ней, никто не заговорил с ней. Столь долго были мертвы похороненные в том склепе надежды и чувства, что уже не принадлежали ей...

В дверях церкви, девушку встретил худой священник в черном.

– Пора бы перестать приходить сюда, дочь моя, – едва слышно прошепел его голос.

– Простите, отец, но я не могу перестать нарушать покой этого места. Это мое покаяние. Священник улыбнулся, провожая удаляющуюся женскую фигуру взглядом.

«У каждого из нас свое кладбище... кто-то хоронит там страхи и переживания, а кто-то мечты и добрые чувства» – подумал хранитель этого кладбища, обнимая за плечи плачущую девушку в белом платье – еще одну надежду, остав-

ленную незнакомкой на кладбище.

– Пойдем, я покажу тебе твою могилу, – ласково сказал священник.

– Она же еще вернется? Она заберет меня? – отняв руки от лица спросила новенькая.

– Она навестит тебя... – пообещал священник.

Ему очень хотелось сказать, что кто-то воскрес и ушел из этого унылого места, но он не хотел лгать... потому что знал, что так бывало на других кладбищах, но... ни на этом. Незнакомка никого и никогда не забирала отсюда.

Северо-западный ветер, налетев с новой силой, взметнул опавшие листья и бросил их навстречу начинающемуся ливню...

Лучшая кинолента

*свою жизнь надо прожить так, чтобы
когда она перед глазами пролетать
будет Смерть успела полпачки скуристь
(с)*

Ключ привычно щёлкнул в замке, отпирая старую, обшарпанную дверь. Она открылась с протяжным скрипом, словно бы нехотя. Некто переступил порог, серой, безликой тенью скользнул в кухню, по дороге уронив на пол куртку с капюшоном, с которого еще стекали капельки дождя. Щелкнула конфорка, вспыхнул огонь. Старенький чайник привычно зашумел, согреваясь. Кофе оказался дрянным, но выбора особого не было. Незнакомец, достав из рюкзака планшет, устроился за кухонным столом и приступил к работе...

Прихлебывая кофе из давно немойтой кружки, он аккуратно распечатал новенькую сигаретную пачку и закурил, запустив на планшете один из роликов. Ничего особенного, не стоило тратить на просмотр время. Скукота, как в дешевой мелодраме для домохозяек: школа, институт, работа в заштатном офисе, двое детей, пенсия... у главного героя жизнь обыденная в общем-то. Незнакомец хмыкнул и, посмотрев на недокуренную сигарету, ткнул костлявым пальцем в следующий файл на планшете. Поставил на быструю

перемотку... ничего интересного... третий... четвертый... восьмой... зевок. Надо работать даже если лень. Костлявый палец выделил несколько роликов на сенсорном экране и одним кликом отправил их в папку под названием «полсигареты».

Потянувшись и вздохнув, незнакомец сварил себе еще кофе и продолжил разбирать файлы на планшете. За просмотром следующих двух видео, он выкурил далеко ни одну сигарету. Иногда костлявый палец тыкал в значок «пауза» на мониторе и зритель переводил дух, иногда он даже размышлял вслух о том, что же дальше будет по сюжету. Близился рассвет. Пора было заканчивать сортировку файлов и покидать квартиру. Несколько видеороликов отправились в другую папку, которая называлась «Полпачки». Да, это были неплохие ролики, бередящие душу съемки с мест ДТП, разоблачения неверных супругов и любви сквозь расстояния и годы... довольно неплохие фильмы, главным героям которых выпало многое по простой прихоти сценариста. Незнакомец грустно улыбнулся.

Пора... сегодня у него очередной непростой день и его фильмотека пополнится еще несколькими роликами, которые придется разобрать следующей ночью по папочкам, отсортировать и переименовать... Большинство из них будут скучными сериальчиками, не заслуживающими внимания,

но будут среди них и вполне годные телероманы, комедии и триллеры... может быть, даже повезет увидеть действительно стоящее кино, пленку достойную «Оскара» или «Сатурна»... как знать. Он – самый строгий из всех кинокритиков давно ждал такой ленты, под которую можно будет скурить пачку сигарет, но пока что таковой ему не встретилось...

Накинув куртку, напроверку оказавшуюся огромными чёрными крыльями, Смерть распахнула дверь квартиры. За ней ждала бесконечность загробного мира, где каждая душа – режиссер собственной киноленты.

Предназначение

наши дни

– Вот и все. Тебе пора, – улыбнулась Мира сквозь слезы.

– Не плачь обо мне, ладно, – попросил нефилим, стоявший напротив нее в лучах заката.

– Хорошо, – снова улыбнулась девушка, глядя в его бездонные серые глаза.

– Прощай, – прошептал он, обнимая Миру в последний раз.

Он сделал всего шаг в сторону Дыры Дьявола¹ и исчез. Девушка осторожно вытерла слезы, и, улыбнувшись, прошептала: «Не думаю, что успею соскучиться по тебе!»

годом ранее

Мира шла в институт. Она была самой обычной студенткой последнего курса самого обычного мединститута в са-

¹ Дыра Дьявола находится в США, в пустынном штате Невада, на территории Национального парка Долина Смерти и представляет собой некий провал в земле. Сам провал – это своеобразная пропасть без дна, наполненная водой. Она достаточно узкая, чуть больше метра в одну сторону, и около пяти метров в другую, однако глубина превышает 90 метров до зеркала воды. Заканчивается провал подземным водоемом, глубину которого так и не получилось измерить, несмотря на многочисленные попытки.

мом обычном городе. Ночами она подрабатывала в самой обычной больнице, ухаживая за самыми обычными больными и мечтала стать врачом, чтобы спасать чужие жизни. Она была самой обычной девушкой. Была... в то утро в последний раз.

После занятий Мира, как обычно побежала на работу. Она уже переделалась и нажала кнопку электрического чайника, надеясь успеть выпить кофе перед длинной рабочей сменой, когда в приемном покое раздались громкие голоса. Машина «Скорой помощи» привезла пострадавшего. Мира бросилась помогать. В коридоре она увидела очень бледного молодого человека в перепачканной кровью футболке. У него было два больших пореза на лопатках. Пока доктор зашивал раны, Мира готовила перевязку. Закончив со всеми манипуляциями, доктор велел Мире заполнить бумаги и отвезти пациента в палату.

– Меня зовут Найджел и я прекрасно умею писать, – улыбнулся парень, – давайте все заполню.

– Да ничего, я справлюсь, – улыбнулась Мира.

Она стала задавать стандартные вопросы, а он, сидя напротив, отвечал. У парня был низкий приятный голос и огромные серые глаза. Когда все было готово, Мира проводила его в палату, а перед тем как уйти, не сдержалась и спросила: «Как же Вы так порезались?»

– Я не сам, – грустно ответил Найджел.

– На Вас напали?

– Нет. Это было наказание.

– За что?

– За очень серьезный проступок. Я поступил против решения отца, за это он отрезал мне крылья.

– Ясно... – протянула Мира, потупившись. – Ну, выздоравливайте.

– Ты не веришь мне, – улыбнулся собеседник.

– О, ... конечно, верю... Только я...

– Не надо пытаться быть вежливой. Завтра у тебя экзамен, но ты не попадешь на него, потому что твоя подруга сломает руку и ты повезешь ее в больницу, а потом спасешь щенка. И вечером ты придешь сюда, чтобы спросить меня, как я узнал об этом, но меня уже не будет тут.

– Зачем Вы мне это рассказали?

– Просто так, – улыбнулся Найджел. – И ещё... если что, я работаю в центральном парке по воскресеньям... скрипачом.

Мира улыбнулась и поспешила по своим делам. Она делала перевязки, заполняла бумаги, а из головы не шел образ Найджела и притягательный взгляд его серых глаз. Она никогда не видела таких глаз... Никогда, ни у кого...

Утром девушка торопилась на экзамен. По дороге встретила Натали, с которой дружила еще с первого класса школы. Когда девушки перебегали дорогу, откуда не возьмись, вырулил мотоциклист, отшатнувшись, Ната неудачно упала и сломала запястье. Пришлось Мире ехать с ней в больницу.

Предсказание начинало сбываться. Но в еще больший шок девушка впала, когда, выходя из клиники, увидела в соседнем дворе, как двое мальчишек издевались над крохотным скулящим щенком. Решительно повернувшись на каблуках, Мира подошла к ним и отобрала собаку. На крик девушки выглянули соседи и мальчишки поспешили ретироваться, поняв, что могут охватить неприятностей. На экзамен идти было поздно и Мира поспешила в больницу, она хотела задать Найдзелу несколько вопросов, а заодно проверить, будет ли он там. Конечно же его не было. Нет, его не выписали и никто не видел, как он ушел. Пропала и его медицинская карта. Мира была в недоумении.

В выходные дни в центральном парке всегда много народа. Гуляли семейные пары с детьми, мамы с колясками, бабушки и дедушки приводили сюда внуков, а влюбленные назначали свидание. Мира знала, что по вечерам в парке играл небольшой оркестр. Когда она подошла к площадке для танцев, музыканты уже играли во всю. Мира сразу же узнала скрипача. Им действительно оказался Найджел. Девушка смотрела на него и не могла отвести взгляд. Он играл так самозабвенно, будто бы ничего в мире не было важнее этих простых аккордов. Закрыв глаза, Найджел вслепую переставлял пальцы и водил смычком по струнам, казалось, скрипка была частью его самого. Стоя в лучах заката, он, казалось парил в воздухе, а за его спиной Мире почудились си-

луэты огромных крыльев. Когда мелодия оборвалась, Мира встряхнула волосами, отгоняя наваждение. Оркестр закончил играть и скрипач подошел к Мире. Он привлек ее внимание, осторожно тронул девушку за плечо. Она улыбнулась.

– Привет! Я знал, что ты придешь, – просто сказал Найджел.

– У меня есть вопросы, – строго сказала Мира.

– Тогда... позволь проводить тебя домой.

– Хорошо.

– А как ты назвала его? – спросил скрипач, идя рядом с девушкой по аллее.

– Най. Постой, откуда ты..? – вдруг удивилась Мира.

– Если бы мои слова не сбылись, ты не пришла бы. Однако, ты здесь. Значит,...

– Да все верно. Все сбылось. Я хотела спросить тебя, как ты угадал?

– Я просто знал.

– Откуда?

– Ты будешь смеяться и... не поверишь мне.

– Обещаю, что поверю, если ты скажешь правду.

– Что ж, – помолчав, сдался Найджел. – Тогда я расскажу тебе правду. Я родился очень далеко отсюда, в Сером Городе. Это место, куда попадают смертные, которые еще не перешли грань... т. е., они не мертвы, но и не живы. Туда попадают заблудшие, те, кто потерял жизненную нить и смысл. В Сером Городе решается их судьба. Моя мать была такой.

Из-за своих порочных страстей, она оказалась в Сером Городе. Ей было назначено перейти грань...

– То есть умереть?

– Да. Только она не хотела этого, а потому соблазнила одного из Стражей. Так на свет появился я. Однако это не спасло маму и после моего рождения ей все же пришлось пересечь грань, а я остался в Сером Городе, так как мой отец был Стражем. От него я получил способность ходить между мирами, но никогда не посещал мир смертных. Это разрешено только Хранителям и Вестникам, я же был полукровкой. Всего лишь нефилимом.

– Но ты нарушил это правило?

– Да. Правда, не сразу. Я был Стражем Серого Города много десятилетий. Я говорил с людьми, слушал их истории и никогда не понимал их. Все, кто попадал в Серый Город молили нас, стражей, только об одном – помочь им вернуться домой. В мир смертных, помочь им снова жить, клялись, что поняли свои ошибки... Как не старался, я так и не смог понять их. Пришло Время и Властители Города назначили меня Вестником. Я старался выполнять свои обязанности честно и добросовестно, хотя они были и нелегки, но вот однажды я... не справился.

– Что случилось?

– Я не исполнил приказа и за это у меня отняли крылья. Теперь я должен жить среди людей и мечтать вернуться в Серый Город.

– Неужели ничего нельзя сделать?

– Ничего. Только в виде исключения мне будет позволено вернуться назад.

– И что для этого нужно?

– Я не знаю. Когда я был Стражем, я слышал, что домой позволено было вернуться лишь тем из людей, кто обретал свое предназначение. Но я не знаю, каково мое предназначение. Всю свою жизнь я был солдатом. Сперва Стражем Серого Города, а потом Вестником. Мне казалось, что это и есть мой путь и мое предназначение. Но я не справился, не смог выполнить приказ... и теперь я играю по воскресеньям на скрипке, но это не мое предназначение, ведь я все еще не могу вернуться домой... Может быть, ты поможешь мне?

– Может быть, – Мира улыбнулась. – Только я не знаю как...

наши дни

Мира вернулась к месту их последней стоянки. Потухший костер и опустевшая палатка встретили ее равнодушно. Вздохнув, Мира занялась своими делами. Сперва девушка перекусила бутербродами, оставшимися от завтрака, а затем аккуратно упаковала вещи. Когда закат догорел, Мира развела костер и посмотрела на часы. До восхода луны время еще было. Дождавшись, когда лунный свет залил все вокруг,

девушка, оглянувшись на покинутый лагерь и убедившись, что все в порядке, погасила костер и двинулась к поселку.

Дорогой она вспоминала рассказы нефилима о Сером Городе и улыбалась...

шестью месяцами ранее

– Разве тебе здесь не нравится? – спросила Мира своего друга однажды. Они сидели на террасе небольшого ресторанчика, наслаждаясь вечерней прохладой и латте.

– Нравится, но здесь мне беспокойно, – ответил Найджел – в Сером Городе все совсем иначе.

– Расскажи мне о нем.

– Там очень красиво. Не в понятии смертных, конечно. Вы видите красоту совсем в других вещах. Для вас она всегда заключена в буйстве красок, эмоций, в движении. В Сером Городе все иначе. Там все будто бы подернуто туманом. И очень тихо. Окружающий воздух будто бы поглощает звуки. А еще там очень спокойно. Всегда сумеречно и прохладно. Все здания из серого камня, городские стены и мостовые тоже из камня и Стражи носят серые плащи с огромными капюшонами.

– И нет ни единого лучика солнца?

– Почему же? Есть, но так редко, что... почти никто не помнит этого. Только Стражи. Последний был в момент, когда я родился.

– Тебе повезло...

– Отнюдь. Нефилимы – существа, созданные из тишины и света. Так говорят Стражи. Потому что когда в мир приходит нефилим, все звуки замирают и в Сером Городе расцветает луч солнца. Всего на одно мгновение мир напоминает каждому из нас, что у каждого из нас свое предназначение. Миг этот очень короткий, но из-за своей редкости остается в памяти жителей надолго. Такое не описать словами. Это нужно узреть.

– А в Сером Городе у всех есть крылья?

– Крылья... да. У всех, кто родился там. У Стражей, Вестников и Хранителей. И у нефилимов. Хотя, говорят, что для последних это и противоестественно...

– Представляю, как там, наверное, уныло... среди этой серости и однообразия.

Найджел только пожал плечами.

– Не обижайся, – улыбнулась Мира.

– Я не умею обижаться.

– Ты очень хочешь вернуться, я знаю. Давай подумаем над тем как это сделать.

– Мы уже столько всего перепробовали, – вздохнул он.

– Никогда не сдавайся, так говорил мой папа. Ты должен понять в чем твое предназначение.

– Я не знаю.

– Ты никогда не рассказывал мне о том, как именно ты нарушил приказ. Может быть, в этом кроется загадка?

– Ты знаешь, кто такие Вестники? – ответил он вопросом на вопрос.

– Наверное, кто-то вроде почтальонов. Они... сообщают какие-то вести? – неуверенно улыбнулась Мира.

– Это сама смерть. Они приходят, чтобы известить душу смертного только об одном, что ее предназначение исполнено и ей пора переродиться.

– Ангелы Смерти, ... – одними губами прошептала Мира. – Ты был таким?

– Да. Вы боитесь смерти, считаете ее злом и точкой. Однако все совершенно не так. Смерть – это не только конец, это еще и начало. Так было всегда и так осталось.

– Если в смерти нет ничего плохого, почему ты нарушил приказ?

– Потому что... так было нужно. Я думал, что поступаю правильно. У каждого человека есть свой Хранитель. Он бережет смертного от зла и тьмы, от гибели, сопровождает человека до того момента, пока тот не исполнит свое предназначение, помогает ему и все такое. Иногда бывает так, что путь труден и человек совершает ошибки, не слушая подсказок Хранителя, порой это приводит к тому, что Хранитель погибает, защищая своего смертного. Так было и в тот раз. Смертный остался без Хранителя. Этот ангел был моим другом, я знал его много времени, еще в Сером Городе, когда он был Стражем. И он очень боялся, что его смертный не исполнит своего предназначения до конца и будет вновь

и вновь перерождаться с одним и тем же предназначением. Когда Хранитель погиб, я понял, что скоро придет и очередь его подопечного. И я... нарушил приказ, позволив ей жить... За это у меня отняли крылья.

наши дни

Подходя к поселку, где жили проводники со своими семьями и была небольшая гостиница для туристов, откуда на автобусе можно было добраться до ближайшей станции железной дороги, Мира прикоснулась пальцами к хрустальному медальону в виде капли, висевшему у нее на шее. «Я буду помнить вас, – беззвучно прошептала Мира, – но не перестану бороться!» Она знала, что через пару часов, выпив апельсинового сока, она сядет в автобус, который доставит ее на крохотный железнодорожный вокзал, откуда она доберется поездом до своего родного города, где ее ждет мама, любимый пес и работа... ее предназначение – спасти людей...

три месяца ранее

Мира очнулась от холода. Не открывая глаз, она лежала в окружающей ее темноте и пыталась вспомнить, что с ней произошло. Постепенно в памяти воскресали события прошлых недель. Диагноз, звучащий как приговор и срочные поиски донора, слезы матери и сочувствующие взгляды кол-

лег... а потом решительный голос Найджела, его согласие стать донором и операция. Теперь часть его тела есть в ней. Кто знает, спасет ли это ее жизнь? Врачи ничего не обещали, а нефилим ни в чем не сомневался.

Через несколько дней после операции, Миру перевели в обычную палату и разрешили навещать ее. Первым, кто пришел, был Найджел.

– Привет, – улыбнулся он. – Ты живая.

– Ага, – улыбнулась в ответ Мира. – Если бы не ты, то это было бы не надолго. Теперь у меня есть будущее.

– Это хорошо?

– Это просто здорово! – улыбнулась девушка.

– Я пришел, чтобы поблагодарить, – улыбнулся парень. – Спасибо тебе.

– За что? – удивилась Мира.

– Вчера я видел Вестника...

– Но ты все еще здесь.

– Прежде, чем отправиться домой, я хочу убедиться, что с тобой все в порядке и... чтобы ты проводила меня, ... если хочешь.

– Да. Мне этого хочется.

Найджел наклонился и осторожно обнял девушку.

Мира поправлялась стремительно, удивляя этим и врачей и знакомых, но не Найджела. В день выписки из госпиталя, нефилим принес Мире потрясающей красоты хрустальную подвеску в виде капли.

– На память обо мне, – улыбнулся он, застегивая цепочку на ее шее.

– Спасибо.

– Это последняя слеза моего друга. Когда он умирал, то заплакал о той, которая осиротела без своего хранителя. Я подхватил эту слезу и сберег...

– О ком он плакал? – спросила Мира. – Кто была его смертной и кого ты спас тогда от смерти? Это ведь была я, да?

– Да, – потупив взгляд, ответил Найджел. – Я спас тебя и утратил крылья. Однако теперь я понимаю, что это было не случайно. Я должен был так поступить. Должен был спасти тебя и... стать твоим Хранителем. Меня призывают в Серый Город, чтобы там я обрел новые крылья, переродился и помогал тебе исполнять твое предназначение.

– Спасать людей. Это мое предназначение. Так?

Он только кивнул.

– Я знала. Всегда это знала. Мой папа умер совсем молодым, – вздохнула Мира, – ему было всего 38 лет. Погиб в аварии. Врачи... просто не стали бороться за него. И тогда я пообещала себе, что буду спасать людей, стану доктором и всегда буду там, где больше всего нужна. Буду бороться за каждого пациента.

– Ты очень добрая, но тебе следует помнить, что иногда нет смысла бороться, потому что время пришло.

– Я запомню. И буду беречь эту подвеску, на память о вас

обоих, о моих Хранителях.

наши дни

Вскоре Мира и Найджел уехали вместе в отпуск в национальный парк Долина Смерти. Именно там, по словам Найджела, находился портал в Серый Город. Они проделали долгий путь, чтобы добраться до разлома в земле, а когда были уже совсем рядом, то разбили небольшой лагерь, чтобы Мира могла передохнуть.

– Мы больше не увидимся? – спросила девушка.

– Я буду постоянно за тобой приглядывать, а у тебя есть мой подарок, – уклончиво ответил Найджел. – К тому же ты всегда можешь позвать меня, попросить совета или помощи. Для того и существуют Хранители.

– Ясно... – Мира заметила, что собеседник смотрит куда-то в сторону. – Кто там? Я никого не вижу...

– Это за мной.

– Вестник?

– Да. Он напоминает, что время пришло, а я сижу здесь и болтаю с тобой...

– А какие они, Вестники?

– Обычно они выглядят как люди. Только с огромными черными крыльями. Отсюда легенды о Воронах и их символизм. Но иногда, вот как сейчас, Вестник может принять облик огромного черного пса. В противовес нефилимам, Вест-

ники созданы из темноты и грохота подземных кузниц. Там для них выковывают доспехи. Каждый, кто становится Вестником, спускается туда, чтобы получить меч... не спрашивай для чего он... смертным не дано понять...

– А что будет, когда ты вернешься в Серый Город?

– Я узнаю твою судьбу, Мира. Мне раскроют, как именно я должен тебе помогать, во что вмешиваться, а во что нет. А потом я стану твоим Хранителем. И буду слышать каждую твою просьбу, каждое слово, обращенное ко мне или к Небесам. И буду знать как уберечь тебя от опасностей и ошибок... Солнце клонится к западу. Нам пора. До Дыры Дьявола совсем недалеко. Идем, Мира.

– Идем, Найджел.

И двое путников поспешили к разлому.

пятнадцать лет спустя

Потрясающий доктор! Вытащила с того света! Спасла близкого человека! Подарила вторую жизнь! ... о Мирабель говорили с восторгом и придыханием, почти как о божестве, как о ком-то сверхъестественном, как о чуде. А она была самой обыкновенной женщиной-врачом, исполняющей свое предназначение. И каждый раз, когда солнечные лучи играли в гранях хрустальной подвески на ее шее, она вспоминала слова сероглазого нефилима: «...когда в мир приходит нефилим, все звуки замирают и в Сером Городе расцветает

луч солнца. Так мир напоминает, что у каждого из нас свое предназначение...»

Безупречный кандидат

– Проходите, присаживайтесь, – безупречно накрашенная и причесанная менеджер по персоналу указала не менее безупречно наманикюренной ручкой с длинными кроваво-красными ногтями посетителю на стул.

– Благодарю, – ошалев от окружающей безупречности едва слышно вымолвил тот.

– Итак, расскажите немного о себе, – попросила девица.

– Ну, ... эээ, я вроде как в резюме все описал, – неуверенно пробормотал кандидат.

– И все же. Например, где работали, чем занимаетесь в свободное время, может быть, у Вас есть недостатки? Или наоборот – достоинства? Почему пришли в нашу фирму? Чем мы так привлекли Вас? – голос менеджера зачаровывал, а аромат духов соблазнял на откровенность.

– Так это, – начал мужчина, – грузчиком работал, да... на вокзале. Ну там сумки таскал, всякий багаж. Что скажут, куда скажут... Потом еще в магазине работал. Тоже... грузил что куда велено. Ну а свободное время, да откуда оно? У меня дома баба мозг пилит и пилит... ну, а чо ей делать? Она четвертого уже рожает. Скучно, ясен пень. С работы придешь, устанешь как собака, а тут она, ну ясно чо... помощи да помощи. Ну так это... денег мало говорит, а я чо? Меня куда

возьмут? По молодости судили так за глупость, а кто не дурил в 20 лет? Товарища в армию провожали, ну и это... выпили, понятное дело. А там то да се... не помню уже, говорят мол побил кого-то не того. Суд был, дали два года. Отсидел, ну вышел... И все только и ноют, мол меняться надо, меняться. Так мне оно и так неплохо вроде... ну, недостатки, а у кого их нет. Сейчас вся страна такая, а то что в пятницу пивка дернуть люблю, так кто же не любит? А к вам пришел потому что послали. С биржи, значит. Вот...

Менеджер неустанно кивала головой, соглашаясь с каждой репликой клиента, поддакивала и сочувственно вздыхала там, где это было уместно по ходу рассказа.

– Ну так чо? – закончил свое нехитрое повествование работяга. – Подхожу я вашей конторе или как и остальные наобещаете сейчас «золотых гор», а потом хвост подожмете и в кусты?

– Думаю, что подходите, Валерий Никанорович – уверенно ответила менеджер. – Нам как раз такие сотрудники и нужны. Работа у нас, правда, не из легких, сами понимаете... Но, думаю, с Вашим опытом, у Вас проблем не будет.

– А по деньгам как? – вдруг словно опомнился работяга. – Не обманете? А то были у меня такие, полгода вкалывал как папа Карло, а в итоге пшик, говорят мол денег нет, завтраками кормили. Пришлось милицией грозить, только тогда и отдали, да и то треть обещанного всего...

– Мы серьезная контора и своих клиентов не обманываем. Испытательных сроков у нас нет, сразу на полный рабочий день и на полный оклад принимаем сотрудников, – гордо ответила менеджер, изящно откинув с лица блондинистую прядку.

– Хорошо. Ну так чо? Когда оформляться-то?

– Можете прямо сейчас приступить, если Вы согласны на наши условия. Только договорчик подпишите, – с этими словами девица подтолкнула к мужчине объемную пачку листов, скрепленную зажимом для бумаг.

– Ох, ё*** твою налево, – выругался тот, – да тут читать зае*****.

– А Вы просто подпишите на последней страничке и все. У нас без обмана, как обсудили, так и договор составлен! – елеинно проворковала менеджер.

– Точно? – прищурился Валерка.

– Конечно, чёрт возьми! – не удержалась барышня.

– А ничего, что судимый, а то потом придираетесь...

– ы принимаем всех такими, какие они есть. Это Вам не шарашкина контора, – ответила девушка, надув карминово-красные губки. – Это закрытое акционерное общество «Атличный Дом», сокращенно АД.

– Ну, была не была, – и мужчина уже замахнулся, чтобы подписать бумаги, как вдруг яркий свет ударил ему в глаза. Через мгновение он увидел склонившегося над ним доктора в маске и шапочке. Потом кто-то, наверное, медсестра на-

звал цифры пульса и давления.

«Жить будет! – раздался приговор врача. – Банальный сердечный приступ. Нельзя в таком возрасте так пить!»

Спустя неделю Валерку выписали из больницы, строго-на-строго запретив пить и он вернулся домой, к беременной жене Таньке и троим несносным отпрыскам. К поискам лучшей работы и нищенскому прозябанию.

– Валера, тебе нужно меняться! Бросить пить, доктор же запретил, – канючила по вечерам жена.

– Валерий Никанорович, Вы отличный сотрудник, но нужно как-то меняться... повежливее быть с продавцами, что ли, – делал очередное замечание хозяин магазина, где Валерик калымил по выходным грузчиком.

– Валера, сынок, надо меняться, ты же неплохой парень, – пилила мать в каждый приезд.

Валерка слушал, вздыхал, вспоминая менеджера из фирмы ЗАО «Атличный Дом» и то, как там принимают всех такими, какие они есть, несмотря ни на судимость, ни на любовь к крепким напиткам, а однажды, не выдержав, написал жене записку, что нашел работу и уходит работать в ЗАО «АД» да и повесился в ванной на поясе от ее халата, пока Танька лежала на сохранении в районной больнице.

«Белая горячка, – вздохнул санитар, забиравший тело, – она никого еще до добра не доводила.

Жена и Муж

Слезинки одна за другой сбегали по женским щекам и, падая на пол, разбивались вдребезги. Утерев слезы ладошкой, женщина тихонько вышла на крыльцо. Присела на и принялась расчесывать волосы гребешком. Причесываясь, она напевала старую колыбельную, услышанную когда-то еще от матери. Мысли ее уносились прочь, туда, где все было безоблачно и беззаботно.

– Юня! Юня! Бежим скорее к речке, купаться! – звали подружки. И она, 6-летняя девочка, подобрав подол сарафана, вприпрыжку торопилась за старшими.

Летом на речке благодать. Можно купаться и нырять. Бывало, нырнешь, а за ноги-то кто-то как схватит, девчонки визжат, а дядька-водяной только усмехается, мол нечего нырять – малы еще.

На Иванов день около речки полно народу: венки пускают по воде, девушки с распущенными косами поют и не понятно, кто тут соседка с хутора, а кто русалка. Хороводы все вместе водят, смеются. Юня любила праздники.

И Иванов день и Дождинки, когда на поля выходили все нарядные, с лентами в волосах и наряжали последний сноп в сарафан и кокошник. И Покров, когда заканчивались летние хороводы, да начинались зимние посиделки. Девки обычно собирались в хате у самой старой хозяйки на селе, каждая приносила с собой прялку или вязание какое. Сидели затемно, кто пряд, кто вязал, а кто кружева плел. Пели песни, да рассказывали истории. Молодые прислушивались к старикам, учились у них жизни. Так и встречали Карачун, а там недалеко уж и Каляда, с ее песнями-плясками и Святочная неделя с гаданиями. Бывало соберутся девушки и ну ворожить, кому какой жених повстречается. Кто сапожок за ворота бросит, кто воск льет, а самые смелые, так и у зеркал правду спрашивали.

Юня тоже гадала... когда стала постарше и начала волосы в косу заплетать, да ходить лебедушкой. Многие на нее заглядывались, да никто ее сердечко не трогал. Все гадала, да ждала гостя заморского, сына купеческого. Мол увезет он ее в свой дворец, а там... а там... что именно Юня и сама не ведала, но непременно, что-то такое, что соседям-селянам и не снилось. Так ждала год за годом, каждый раз спрашивая на Кудесы у домового, когда же жених-то приедет?! Только раз домовой ей сон послал. Страшный сон. в котором басурманин ее плачущую вел куда-то. Лицо у него не разглядеть было, но уж больно жуткое, как Юне показалось тогда.

Больше она домового и не спрашивала. Жила себе, как жилось, ходила по прежнему лебедушкой, да глаза опускала.

В тот год, перед Овсением малым стукнуло Юне ровно 20 годков. На гулянье в честь праздника заприметил ее заезжий родич соседей, да и полюбилась она ему. Прямо с праздника он к батьке и пошел.

– Или дочь свою в жены мне отдай, или голову руби! – говорит. – Не могу без нее не жить, не спать! Свет белый не мил!

– Свет-то, можить и не мил, – молвил батька, – да есть ли у тебя сваты? Ежели найдутся такие так на Комоедицы милости просим!

Не стал тянуть заезжий со сватами. Как было велено, так и заслал сватов. Сговорились быстро. А чего и не сговориться-то было – жених завидный, богатый. За невестой приданое немалое тоже. Все честь по чести. На Ярилу Вешнего сыграли свадьбу. Шумную да многолюдную.

Сразу после свадьбы увез молодой супруг Юню далеко, как о том и мечталось ей в девичестве. В большой город, где и работать не надо было, только за домом смотри, да прислу-

гой командуй.

Год за годом летело время, родились дети. Все в отца – черноглазые и шустрые. Да только день ото дня все грустнее становилось Юне. Скучала она по широкому раздолью родного края, по птичьему пению и свежему воздуху, по праздникам давним и традициям своего народа.

– Отпусти меня, – просила у мужа. – К родным берегам, к широким просторам, да раздолью хуторскому.

– Вот еще! – отмахивался муж. – Ишь чего удумала. Чего тебе не живется-то? Куда ты собралась от мужа? Я теперь твой господин и хозяин! Сиди и помалкивай!

Плакала Юня, когда никто не видел, под одеждой прятала следы побоев. Терпела и смирялась.

– Детям отец нужен, – утешала себя мыслью. – Он же все для них делает и любят они его сильно. Так с папенькой всюду и ходят, ни шагу без него не делают. А я что? Я мать... я их должна просто любить и прощать.

Не замечали дети, как угасала мать, как потускнели ее очи и увяла былая стать. Не думали, что без матери погибнут, все на отца полагались. Лишь когда заболела Юня, поняли, как тяжело им без матери стало, как тоскливо. Доктора лишь

головами качали и приговаривали: «Не легко вам будет, дети! Ох, нелегко, но ежели постараетесь, то сможете и матери помочь и себе!»

P.S.: давайте же, дети, позаботимся о нашей общей матери-Природе и усмирим гордыню своего отца – технического прогресса. Давайте будем чуть более чуткими и заботливыми, чуть более бережливыми по отношению к природе, во имя нее и во имя себя самих!

Плохой сон

Семен с детства любил строить. Мечтал стать архитектором. Известным. Окончив школу, Сеня поступил в училище, потом его забрали в армию... Все после армии, едва переступив порог родительского дома, Семен встретил у колодца соседскую дочку Нину, влюбился, да и не заметил, как в дом пожаловали сваты, а по осени отгремела свадьба. Какие уж тут самолеты?! Какая учеба?! Ребенок родился вскоре. Семен единственный кормилец, жена все в доме, да с дитем. Не до заработков. Так и тянул Семен один все расходы. Грянули 90-е, завод развалился, Семен оказался не удел, подался в Москву на заработки. Да мало ли таких как он в Москве в те годы было?

Как-то вечером шли Сеня с напарником (таким же «понаехавшим») со стройки в общагу, где снимали койко-места, а мимо на всех парах пронеслась дорогая лаковая иномарка.

– Ух-ты! – не удержался напарник Семена. – Наверное, стоит целое состояние.

– Да... – вяло кивнул Сеня.

– Вот бы мне такую, – мечтательно вздохнул собеседник.

– А на что такую содержать?

– А зачем содержать? Я бы ее продал и деньги бы потратил на семью. Дом бы починил, а то маманя пишет, что совсем крыша просела, вот-вот рухнет. И пацанов в школу собирать надо. У меня их трое...

С того вечера Семен потерял покой. Ночами, вернувшись со стройки, он часами лежал без сна на своей узкой кровати и завидовал. Сперва абстрактно, думал, что вот есть в мире люди, способные купить квартиру, машину и есть каждое утро икру, при этом не гнуть спину подсобником на стройке. Потом он начал завидовать прорабу, у которого был автомобиль и квартира в столице, потом начальнику стройки, у которого было помимо этого еще и дача в Подмосковье. Завидовал Сеня и ночами и днями. Присядит в тенечке, папироску раскурит и ну завидовать, а напарник его спину гнет за двоих. Сколько времени прошло и вдруг напарника Семенова повысили до прораба. На другую стройку забрали, а Семен все цемент месил кое-как в свободное от зависти время. Днями и ночами и глодала его черная зависть. Так сильно глодала что однажды утром Семен взял да и проснулся не в привычном общежитии на окраине Москвы, а в дорогом особняке в Подмосковье.

– Что же это такое?! – недоуменно подумал Семен, осматриваясь вокруг. Стены в спальне были отделаны в стиле Евроремонта, на потолке – лепнина, мебель вся импортная, бе-

лье постельное – шелковое. Пошел Сеня по дому, из комнаты в комнату, кругом порядок, паркет сияет, портьеры на всех окнах дорогие, мебель то ли итальянская, то ли германская. В одной комнате на столе ждал завтрак – посуда серебряная, начищенная. Кофейник так и сверкает, а икра на бутербродах икринка к икринке. Позавтракав, Семен приоделся в новый льняной костюм, спустился в личный парк. Походил по дорожкам, усыпанным хрустящим гравием, посмотрел по сторонам. У ворот шофер мыл машину – дорогую иномарку. Семен решил проехаться. Только шагнул в сторону авто, как откуда не возьмись появилась женщина в дорогом платье и на шпильках.

– А ну стой, кобелина! – завизжала она фальцетом.

– Это Вы мне? – опешил Семен.

– Тебе-тебе, мот ты эдакий! Кому же еще?

– Женщина, да Вы успокойтесь, что случилось?

– Ах он еще и спрашивает, пес шелудивый! Женщина? Я тебе покажу, какая я тебе женщина! – еще громче закричала собеседница, подбежав к Сене и влепив ему пощечину.

– Да за что?

– За то!...

Семен не дослушал, опрометью бросившись к машине. Забрался на заднее сидение и бросил шоферу только:

– Поехали!

Тот, видимо, привыкший к такому, спокойно выехал за ворота виллы и повез хозяина по столичным улицам. Дол-

го они так катались. Потом заехали в какой-то бар, там Семен принял на грудь и сел размышлять о том, что делать дальше. Посидел, обмозговал и решил пожить в свое удовольствие.

— Ну, подумаешь, жена-дура, — размышлял Сеня. — Да и черт бы с ней. Зато вон какой дом и машина и денег, поди, не меряно! Поживу хоть!

И зажил с той поры Семен красиво. По кабакам раскатывал, в карты играл, ел-пил. Иногда, правда, встречался с женой. Однако вскоре понял, что достаточно открыть кошелек и выдать супруге несколько купюр, как она тут же становилась доброй и ласковой. Пожил так Сеня пожил и вдруг напала на него тоска. Раскатывает он по городу в своей иномарке, видит люди бегут куда-то: кто на метро, кто на троллейбус, торопятся. Детей за руку тащат, подгоняют, ссорятся. Видел Сеня и другое, как в парках гуляют влюбленные, держатся за руки и целуются, как умудренные годами старики, сидя на лавочках, кормили голубей, как девчушка лет пяти бежала навстречу своему отцу по аллее. Однажды поехал Семен на вокзал, хотел купить билет, съездить в гости к кому-нибудь. Да только понял, что ехать ему не к кому. Он ведь теперь не Семен Петров был, а совсем другой человек и жена у него теперь была другая. Постоял Семен растерянно посреди вокзала, огляделся. Увидел, как старушка одна

обнимала сына, вернувшегося из армии, а на соседнем перроне увидел женщину с мальчиком на руках, встречающую мужа, вернувшегося с войны. На нем была форма с погонями лейтенанта и костыль вместо одной ноги. Семен отвернулся сам не зная почему. И поспешил к своей машине. Взгляд его упал на бездомную собаку, сидевшую у стены ларька с шаурмой. Какой-то студент купил ей пирожок с мясом и пытался накормить. Семен поехал дальше и вдруг увидел в боковое окно в одном из дворов стоял катафалк. Старенький ЗиЛ, в кузов которого по старому обычаю Союза постелили ковер, на который поставили гроб. Увидел несколько старух в платках. Провожающие. И так тошно стало Сене, что в тот же вечер, приехав домой, он лег на кровать и зарыдал. Тоска напала на него. Тоска и раскаяние. И зачем мне сдалась вся эта роскошь, думал Сеня. Уж лучше умереть.

Открыл на утро глаза Семен, а вокруг обшарпанные стены общаги.

– Ух, черт! – подумал он. – Приснится же такое!

Заварил Сеня себе дешевого чая в кружке, умылся, позавтракал да и поспешил на работу. С той поры как подменили Семена, работать стал усерднее и никому не завидовал. Прошло три месяца, закончилась стройка. Вызвал начальник к себе Семена и говорит:

– Вот смотрю на тебя, Семен, ты хоть и бедный, а тру-

долюбивый. Гроши тебе платят, а ты все равно стараешься. Вот за твой труд я хочу тебя прорабом назначить на новую стройку. Пойдешь?

– Пойду. Только знаний маловато.

– Ничего, Семен, ты в институт поступай. Я тебе помогу. У меня детей нет, вот ты мне вроде как заместо сына будешь. Ты только не ленись.

С той поры наладилась у Сени жизнь. Институт закончил, стал начальником, семью в столицу перевез. Дом построил. И все любил повторять – трудом в любое время пробиться можно, а зависть и в хорошее время погубит.

Последний тлалони

Бывший советник Монтесумы Второго Куитлауак умирал. Неизвестная болезнь, привезенная испанскими поработорителями с берегов Старого Света, пожирала тело отважного война. Он боролся с ней, как мог, но сил у него явно не хватало. В последние часы у ложа умирающего собрались его близкие, сановники Теночтитлана и наследный принц Куатемок, которому вскоре предстояло стать последним свободным тлатоани империи майя.

– Куатемок, – слабым голосом позвал умирающий. – Полянись мне, что ты продолжишь мое дело и сделаешь все возможное для защиты нашего народа.

– Клянусь, великий! – ответил принц, опускаясь на колени у смертного одра Куитлауака.

– Не прощай им резни в Великом храме Теночтитлана... отомсти им, Куатемок.

– Клянусь, вождь, я отомщу завоевателям. И пусть у них техника, у нас магия! И мы еще посмотрим кто кого!

Куитлауак умер с улыбкой на устах. Он верил в силу Уицилопочтли – древнего покровителя народа ацтеков, Бога войны и солнца.

После похорон своего предшественника, Куатемок возшел на трон. Это было тягостное для ацтеков время. Конки-

стадоры под предводительством Эрнандо Кортеса завоевывали страну майя, уничтожали посевы, уводили в плен женщин и убивали мужчин... Казалось древние боги отвернулись от народа майя и солнце их скоро должно закатиться.

В августе 1520 года Куатемок принес обильные жертвы в храмах Теночтитлана, кровь непрекращающимися потоками струилась по террасам теокали. Жрецы бесновались, прося покровительства и милости богов. И вот отряды майя начали одерживать победы. В коротких и кровопролитных стычках с конкистадорами, испанцы погибали наравне с индейцами. Солдатам Кортеса не помогали их аркебузы и фальконеты, кирасы и нагрудники не защищали их... У майя появилась надежда, призрачная и неуверенная. Казалось, что еще немного, несколько месяцев и испанцы отступят, вернуться на свои корабли и уплывут за океан, обратно, к себе домой...

Но не всегда победа дается легкой ценой, иногда она не дается вовсе. Болезни, привезенные конкистадорами с берегов Старого Света, были для майя не менее опасны, чем те, что косили завоевателей в Новом, а магия жрецов не смогла противостоять 32 фунтовым ядрам... и 13 августа 1521 города принц Куатемок был захвачен в плен...

Его долго пытали и истязали, пока не было решено казнить последнего из свободных тлатоани. 1525 стал закатом многовековой эпохи майя, прекрасной и непостижимой эпохи, от которой до нас дошли лишь загадочные обрывки ма-

гических знаний... неразгаданных наукой, но почти уничто-
женные ей...

Пуанты

Тот дождливый и пасмурный день в Париже 1825 года запомнился некоторым из горожан надолго. Те, кто особенно отчетливо помнят его, шли, спрятавшись под зонтами, за траурной повозкой, на которой стоял простой деревянный гроб, обитый черной тканью. Провожали в последний путь 36-летнюю солистку Парижской Оперы – мадемаузель Биас.

Он не смог присутствовать на похоронах, боясь раскрыть свое инкогнито и поразить окружающих шокирующими подробностями личной жизни балерины. Стоя на колокольне Собора, он смотрел на город, провожая возлюбленную взглядом. Его бледные пальцы с небывалой силой прижимали к впалой груди пуанты... ее последний подарок. Слеза скатилась по дряблой щеке и упала на шелк туфли, но он не заметил этого, погруженный в воспоминания о красавице Фанни.

Впервые он увидел ее в Соборе во время праздничного богослужения. Она пришла вместе со своим наставником – Луи Милоном и еще несколькими воспитанницами балетной школы Парижской Оперы. Он не мог отвести от не взгляда,

влюбившись с первого мгновения и на всю жизнь. Он часто видел ее в Соборе, она приходила почти на каждое богослужение. Однажды он рискнул приблизиться и украдкой улыбнуться ей, она улыбнулась ему в ответ. С этого момента и начались их тайные свидания. Она обожала розы и он каждый раз оставлял для нее одну у входа. Она неизменно прикалывала цветок к волосам.

Они оба любили балет, грезили им. И если Фанни могла танцевать, отдаваясь искусству без остатка, то он мог лишь наблюдать за ней. Тайком убегая из школы ночами, она пробиралась в Собор тайными переходами, которые он показал ей однажды. Он неизменно встречал ее у небольшой дверцы. Часто она танцевала для него в безлюдных залах Собора, порхая словно волшебная нимфа из древних легенд. В такие ночи, когда она самозабвенно кружилась, едва касаясь своими изящными ножками холодных каменных плит пола, перебегая от одной полосы лунного света к другой, он сидел в самом темном углу, не двигаясь и стараясь не дышать, столь сильно было его восхищение ею и ее искусством.

В 1818 году, когда она стала ведущей балериной Парижской Оперы, он сделал ей подарок. Первый серьезный подарок за все время их общения. Это были танцевальные туфли, выписанные из Италии. Их сделал один великий мастер для своей дочери, в надежде, что она станет балериной, но де-

вушка умерла от чахотки и тогда мастер пожертвовал свое творение Богу. Так туфли попали в руки священников. Пользуясь своим положением, он выкупил их и преподнес в дар своей возлюбленной Фанни. Это были совершенно необыкновенные туфли, а новомодные *les pointes des pieds*². Фанни была в восторге от такого подарка.

– Потрясающе! Где ты достал их? Говорят, что такие есть только у итальянки Анджелини! Газеты писали, что она стояла на пальцах несколько мгновений, что сделало ее исполнение Флоры потрясающим и неповторимым, – тараторила Фанни.

– Это мой тебе подарок. Ты прекрасно танцуешь и негоже какой-то итальянке обойти француженку, – улыбнулся он. – Я хочу, чтобы ты была лучшей.

– И я буду лучшей! – с азартом воскликнула Фанни. – Я не просто буду стоять на пуантах, я буду на них танцевать!

Он помнил и это... помнил ту ночь и тот залитый лунным светом безлюдный зал Собора, где она танцевала для него. Он был первым, кто увидел эту партию. Еще до того, как увидели ее зрители Лондона.

– Завтра мы уезжаем на гастроли в Англию. Там я буду выступать на сцене Королевского театра, где покажу зрите-

² *les pointes des pieds* (фр.) – пальцевые туфли. Пуанты.

лям кое-что новое, – восторженно говорила Фанни. – Правда, сперва я станцую для тебя. Ты должен увидеть это первым!

И она закружилась по залу. Легко и стремительно, словно бы у нее были крылья. Он был потрясен ее танцем *les pointes des pieds*.

– Ты прелестна! – с придыханием восторга улыбнулся он, когда балерина завершила свой танец. – Ты будешь блистать!

– Я лучшая? Правда?

– О, да, моя любовь! О, да!

Она уехала в Лондон. О ее ошеломительном успехе на сцене лондонского Королевского театра он узнал из газет. С той поры гастроли занимали все больше ее времени, она приходила все реже, пока, наконец, совсем не исчезла. Он скучал. Всегда с трепетом ждал новостей из закулисы Парижской Оперы, жаждал получить хоть скромную весточку от нее...

Однажды ночью она вновь ступила под своды Собора. Бледная и поникшая, как увядающая роза, которые она так любила. В руках у нее были те самые пуанты. Он шагнул ей навстречу, трепеща от волнения.

– Возьми их, – протягивая ему туфли, попросила мадему-

азель Биас. – Возьми и сохрани. На память... обо мне.

– Ты возвращаешь их?

– Я больше не могу танцевать... болезнь точит меня изнутри. Доктора не дают мне и трех месяцев. Я слишком слаба для танцев.

– Фанни...

– Не говори ничего. Просто сохрани их, – стремительно повернувшись, она бросилась бежать прочь, а он так и остался стоять посреди залитого лунным светом зала Собора в полном одиночестве.

Крик птицы вернул его к действительности. Он посмотрел на туфли, которые сжимал в руках, затем вдаль, туда, где скрылась траурная процессия с гробом Фанни Биас. Он помнил все. Помнил, как она приходила в Собор прошлой ночью, чтобы станцевать для него в последний раз и как он осторожно снимал с ее окоченевших ножек пуанты, чтобы унести их и сберечь, как и обещал.

Мисс women-Яга

Осенний ветер клонил к земле макушки вековых сосен и трепал кроны дубов, срывая с ветвей последние листья. Хозяйка избушки на курьих ножках уныло сидела у окна, пытаясь читать при свете керосиновой лампы прошлогодний выпуск «Лесных ведьмостей», где подробно расписывалась очередная сплетня про очередную свадьбу Кощея.

В дверь робко постучали.

– Кого там еще черти принесли? – проворчала Хозяйка, вставая.

За дверью оказался шустрый паренек в фирменной курточке.

– Тебе чего? – насупилась старуха.

– Под-д-дключ-чайтесь к н-нашему в-в-волшеб-бному п-п-пров-вайдеру. Интернет в к-к-каждую и-и-избушк-ку, – заикаясь и стуча зубами от холода, протараторил парень. – Всего за 20 к-колдунств в месяц.

– Ишь ты... недорого. – протянула Хозяйка.

– Конечно, – оживился паренек, разом перестав заикаться. – У нас самые выгодные условия. Вам нужно только заявление подписать и уже завтра бригада все установит.

– Ну, ла-а-дно, – протянула старуха, подписывая трепещущий на ветру листок. – Вон даже Горыныч в пещеру себе

ваш этот тырнет подключил... Чем я-то хуже?!

– Спасибо и д-до-свид-д-дания, – пролепетал парень, получив обратно подписанное заявление.

На следующее утро бодрая команда джиннов, переругиваясь на каком-то своем восточном наречии, облепила избушку проводами и проводками и подключила Бабе Яге интернет. С той поры жизнь в избушке завертелась вокруг таинственного блюдечка – с раннего утра и до поздней ночи Баба Яга проводила в сети, то переругивалась с Кощеем в цапцапе, то чатилась с Иваном-Дураком в вихтере, но чаще всего украдкой пролистывала портреты Василисы Прекрасной в стаграмне. И чем чаще просматривала, тем грустнее становилась. Бывало полистает-полистает, да и садится к зеркалу, то нос крючком свой массирует в надежде выправить, то глаза трет, чтобы блестели ярче, да только ничего не помогает. И вот однажды в бубле нашла Яга объявление известного доктора-волшебника, который красоту одним махом наводит. Посмотрела на цены, подумала, да и полезла за печку, где было припрятано у нее золотишко «похоронное». Пересчитала и снова задумалась – жаль было тратиться, но стать красавицей хотелось.

Так или иначе, но к весне Яга решилась. Начистила ступу, завязала золотишко в узелок да и полетела на прием к волшебнику-доктору. Тот посмотрел на нее, подумал, да и мол-

вил:

– Сделаем из Вас, Ягуся, красотку! Все мужики Ваши будут. Чего там эта Василиса стоит, ни кожи, ни рожи, а у Вас все будет. Сделаем, не сумлевайтесь.

Ну как сказал, так и сделал. Вернулась Яга в лес в свою избушку и начала портретики в стаграмне вывешивать. Тут у них с Василисой-то война и началась. А доктор только рученьки потирает – то одна, то другая к нему на поклон бежит, да золотые монетки несет.

Долго ли коротко ли, но вот однажды случилась беда – набрел на избушку Бабы Яги лесоруб. Зашел, да и ахнул:

– Эвона какая чика тут обитает, – говорит, – с такой и замутить не зазорно будет. А сам руки к Яге тянет, обнимать неприлично пытается.

– Уйди, дурак! – завизжала Яга, – я тебя съем.

– А ты горячая штучка, – усмехнулся лесоруб.

С трудом отбилась Яга от него. Вытолкала из избушки, двери покрепче заперла и затихла в уголке на печке. А лесоруб-то не унимается. Всю ночь ходил вокруг избушки, да скабрзости разные выкрикивал. К утру только и успокоился. Ушел.

Да только через неделю (опять в пятницу, окаанный) на-

зад вернулся, да не один, а с товарищами. Тут уж Баба Яга совсем обомлела. Пришлось ей в ход пустить все свое колдунство: поганую метлу, да скалку со сковородкой заговоренные. Насилу выгнала проходимцев. Ушли они, а Яга задумалась.

– Что печалишься, хозяйюшка? – промурлыкал Кот-Баюн, ласкаясь о ноги Яги.

– Да вот незадача, Котя, – ответила та, – никто меня теперь не боится, угрозы мои шутками считает. Что и делать, ума не приложу!?

– Поезжай-ка ты, хозяйка, обратно к доктору своему да проси, чтобы ворочал все как было: нос и горб...

– С ума ты что ли сошел, окаянный? – взвилась Баба Яга.

– Ну тогда, сиди себе в избушке сиднем, да с голоду пухни, – мявкнул кот.

Лето пролетело, а Баба Яга ни мухоморов не засушила, ни трав не заготовила. Проходу ей никто не давал, целую дорогу к избушке протоптали проходимцы разные, красоту в свои руки заполучить желающие. Близилась зима, а запасов у Яги не было. Рассердилась она, да и полетела к доктору обратно все врачивать. Последние монетки отвезла, да и назад прилетела.

Сидит себе в избушке на курьих ножках злая-призлая и зубы на полку. Вдруг слышит голоса – опять мужики де-

ревенские пожаловали. «Ну, — думает Яга. — Сейчас я вам устрою!» Как выскочит, как ногами затопает, руками за рубахи хватает. «Стойте, — кричит. — Куды же вы?» А мужики не живы, не мертвы, разбежались в разные стороны. Кого Яга поймать успела, тех посадила в глубокую яму и потребовала с деревни за них выкуп: всяких солений да припасов разных. Так на зиму и запаслась.

А в стаграмне Ягуся больше не сидела и в цап-цапе ни с кем не чатилась. Отключила тырнет к чертям собачьим, потому как зло от него одно, от этого тырнета, расстройство да безденежье.

Большая синяя кнопка

– Ваше Величество! В Северном полушарии новый остров образуется, – важно докладывала рыба секретарь повелителю подводного царства.

– Что за остров? – оживился тот.

– Небольшой, – рыбка сверилась со своими записями, – всего стадий 2х3 тысячи³.

– У него уже есть имя?

– Кажется, земля Атланта... островок вроде его протяже...

– Аааа, – разочарованно протянул Нептун, – ну пусть себе образуется. Мало ли...

– Ваше Величество! Остров в Северном полушарии, о котором я вам докладывал полвека назад, заселен разумной формой жизни, – снова вернулся к теме секретарь, спустя время.

– Как они там живут?! – заинтересовался бог морей.

– У них нет хвостов и жабр!

– И откуда только такая нечисть берется?

– Говорят, что со звезд...

– Аааа, – разочарованно протянул Нептун, – ну пусть себе заселяется. Мало ли...

³ т.е. около 350 X 530 км.

– Ваше Величество! Разумные обитатели со звезд, которые заселили остров в Северном полушарии, – торопливо докладывал секретарь, спустя еще лет сто, – начали строить огромные лодки, они плавают по морю, летают к звездам и носятся по суше с огромной скоростью.

– И как же им это удается?

– Они строят разные машины.

– Из чего?

– Из металла и пластика.

– Аaaa, – разочарованно протянул Нептун, – ну пусть себе строят. Мало ли...

– Ваше Величество! Огромные машины из металла и пластика, построенные разумными существами, прибывшими со звезд и заселившими остров в Северном полушарии, приходят в негодность и их бросают в океан, – докладывала рыбка-секретарь повелителю подводного царства спустя еще пару сотен лет.

– Зачем они это делают?

– Потому что их мусор мешает им на острове. Места все меньше.

– Зачем нам их мусор?

– Они думают, что раз у нас больше места, то мы можем поделиться...

– Аaaa, – разочарованно протянул Нептун, – ну пусть себе

думают. Мало ли...

Прошло еще 200 или 300 лет и весь океан был настолько засорен пластиком и полиэтиленом, что даже тронный зал во дворце Нептуна был завален отходами сухопутных жителей, прилетевших со звезд. Однажды повелителю подводного мира это надоело и он издал указ вернуть весь мусор на сушу. Но чем больше его возвращали, тем больше его скидывали в океан обитатели суши. В конце-концов Нептуну это надоело он рассердился и велел созвать большой подводный совет.

Много было сказано, а по существу ничего.

– Итак, господа, министры подводного государства, – подвел итог совещания Нептун, – решено! Нам не остается ничего другого, кроме как использовать Большую Синюю Кнопку.

– Это не гуманно! – тут же запротестовал министр образования.

– Может быть, стоит потерпеть? – робко спросил министр междурybных связей.

– Не можем мы больше терпеть, – вздохнул Нептун.

– Да и верно, чего тянуть-то?! – воскликнул военный министр. – Давайте уже повеселимся, а то давно у нас ничего интересного не происходило.

– Решено! – провозгласил Нептун – Используем Большую

Синюю Кнопку!

Едва плавник главнорыбнокомандующего прикоснулся к Большой Синей Кнопке, как поднялись волны, разбушевался океан и в один день поглотил Атлантиду со всеми ее жителями, чудесными машинами, величественными храмами, богатыми дворцами и роскошными садами...

несколько тысяч лет спустя...

– Ваше Величество! Южное полушарие суши заселили разумные существа, – встревоженно докладывала рыбка секретарь.

– Как они там живут?! – заинтересовался бог морей.

– У них нет хвостов и жабр!

– И откуда только такая нечисть берется?

– Говорят, опять со звезд...

– Аaaa, – разочарованно протянул Нептун, – ну пусть себе заселяется. Мало ли...

– Ваше Величество! Разумные обитатели со звезд, которые заселили Южное полушарие, теперь расселились по всей суше, – торопливо докладывал секретарь, спустя еще несколько десятилетий, – начали строить огромные лодки, они снова плавают по морю.

– И как же им это удастся?

– Они строят разные машины.

– Из чего?

– Из дерева и металла.

– Аааа, – разочарованно протянул Нептун, – ну пусть себе строят. Мало ли...

– Ваше Величество! – голос секретаря дрожал от ужаса. – Жители суши изобрели пластик... они делают из него все вещи и когда они приходят в негодность, выбрасывают их... в океан.

– Опять?!?! – вскинул кустистые брови Нептун.

– Да, – тихо пролепетал секретарь.

– Ну мы же только недавно навели повсюду порядок! Ладно. Дадим им шанс. Может быть, они одумаются и нам не придется снова использовать Большую Синюю Кнопку? – вздохнул Нептун, качая головой. – И почему жизнь ничему не учит этих странных сухопутных жителей? Вроде бы разумная раса...

Врата собора Нотр Дам

В стародавние времена жил в окрестностях Парижа некий Бискорне. Зарабатывал он себе на хлеб кузнечным ремеслом и на жизнь свою не жаловался. Регулярно ходил в церковь и слыл в округе порядочным человеком и добрым католиком.

Заказов у Бискорне было много, но больше всего было заказов на кованые ворота. Богачи старались перещеголять

друг друга в украшении своих загородных владений. Много решеток и ворот выковал Бискорне для аббатств и монастырей, коих немало было в те года во Франции. Слава мастера гремела по всей стране. И вот однажды темным и морозным декабрьским вечером в кузницу постучали. Мастер отпер двери и увидел на пороге гонца. В руках тот держал свиток. То было послание от самого Кардинала. И поручал Его Святейшество кузнецу великое дело – выковать ворота для самого собора Нотр Дам.

Бискорне упал на колени и воздал хвалу Господу. Ведь кузнец давно в тайне мечтал о том, чтобы оставить свой след в истории Франции, да так, чтобы не на два-три десятилетия, а на века. И тут такая удача. Поистине в самые темные ночи сбываются самые дерзкие мечты!

«Это будут самые красивые врата! – воскликнул кузнец в порыве энтузиазма, – По красоте своей они будут равны райским и никакие другие не смогут их затмить искусством своейковки!»

Запершись в кузнице, Бискорне в тот же миг приступил к работе. Но вот беда – инструменты валились у него из рук, огонь в печи поминутно грозил погаснуть, а из головы разом вылетели все знания... Отчаявшись, кузнец закричал: «Я все равно выкую эти врата! Даже если мне придется просить помощи у самого Дьявола!»

«Хорошо, – вдруг прозвучал трубный глас. – Помогу тебе,

но с одним условием. Только тогда распахнутся для тебя райские врата, когда найдется тот, кто отомкнет замки на вратах собора Нотр Дам. А иначе скитаться тебе по земле, не обретая покоя, до Судного дня!» После чего вспыхнул в горне огонь и тени побежали по стенам... Неистово работал кузнец, будто бы сам Падший Ангел вселился в него и водил руками, направляя разум его...

Когда на следующее утро в кузницу прибыл служитель Нотр Дам, чтобы посмотреть эскизы ворот для собора, то нашел разом поседевшего и состарившегося Бискорне лежащим без чувств на полу в кузнице. А у дальней стены стояли готовые ворота, выкованные так чудесно, что завораживали своей неземной красотой, притягивали и манили...

Щедро наградили кузнца за его работу, да только с той поры потерял Бискорне любовь к своему мастерству, за что-бы не брался, все валилось из рук. Денно и ночью думал он о той своей работе, любовался воспоминаниями об ажурных кованных узорах и не мог ничего более выковать – все казалось ему уродливым и грубом в сравнении с воротами собора Нотр Дам. Не долго прожил кузнец. Говорили, что сошел он с ума да от тоски-то и помер.

А ворота установили на положенное им место, долгое время никто не запирали их, ведь вход в собор был открыт для страждущих в любое время суток и при любой погоде. Века сменялись, а собор Нотр Дам стоял нерушимым символом

католической веры в самом сердце Парижа. Никто не запи-
рал его ворот, никто не отказывал молящимся в утешении.
Наступил беспощадный 18 век, принесший Франции паде-
ние старого режима, а вместе с ним и величия Нотр Дам.
Колокола переплавили в пушки, надгробия стали тысячами
пуль, а сам собор – винным складом. На воротах его по-
явились замки. Да только вот беда, как только заперли их,
так больше никто не смог их отпереть – ключи ломались
один за другим... И лишь когда один из бывших служителей
Нотр Дам окропил запоры святой водою, ворота распахну-
лись с тихим вздохом облегчения – душа кузнеца, после сто-
летий мук, узрела рай.

Собаки – ангелы на земле

*«Посвящается четвероногому братицу»
«Магнит – мой маленький блик солнца,
спасибо, что ты был...»*

Дедушка ласково погладил по голове маленькую девочку, приговаривая: «Не плач, внученька! Тобик прожил долгую жизнь и ему пора».

«Не хочу! Не хочу! – плакала девочка, обнимая за шею старого беспородного кобеля. Глаза собаки были закрыты, казалось, он спал... Да, он спал. Спал вечным, беспробудным сном... Его 17 лет закончились.

Старик, облокотившись на лопату ждал пока внучка заплачется вдоволь и позволит похоронить старого друга.

«Не плачь, дорогая, – тихонько сказала подошедшая бабушка. – Все псы попадают в рай!»

«Правда?» – недоверчиво спросила девочка, шмыгнув носом.

«Конечно!» – безапелляционно заявила бабушка и незаметно толкнула деда локтем.

«Да. Обязательно!» – поддакнул тот, смахнув слезинку и украдкой покосившись на хмурое осеннее небо.

«А там хорошо?» – спросила снова внучка.

Старики закивали еще убедительнее...

Его звали Тобик. Так косолапого щенка назвал хозяин – дядя Митя. Тобик был помесью, казалось бы всех собак сразу – уши торчали, как у заправской овчарки, длинные ноги и статная выправка делали его похожим на лайку, один голубой, а другой карий глаза прозрачно намекали на примесь хаски, а рыже-белый окрас – на гончую... Казалось сама мать Природа не знала какие породы смешались в крови и генах Тобика, но это не мешало ему стать любимцем и верным охранником. Никто не смел пройти во двор – грозный лай останавливал любых смельчаков. Ох скольких докучливых воришек отпугнул от вишневого сада дяди Мити один только вид и голос Тобика, скольким хулиганам, покушающимся на гараж, челюсти Тобика порвали штанины... Никто и не сочтет уже. Единственный «воришка», кого Тобик пропустил в дом был сосед Лёнька. Да только не нужны были Лёньке ни вишни, ни металлолом из гаража. Он «украл» из дома дяди Мити кое-что поценнее – сердце единственной наследницы – Светланы Дмитриевны. С той поры, как сыграли свадьбу, так и повелась эта семейная шутка. Бывало работают на участке или в саду, а дядя Митя нет-нет да и спросит зятя: «Как же это ты, Лёнька, мимо Тобика пробрался и Светку-то нашу украл?»

«Хороший я, дядь Мить, – улыбается тот. – Собаку-то не проведешь, дрянного в дом не пустит!»

«И то верно, – кивает тесть, – хороший!»

А потом родилась у дяди Мити внучка – Любовь Леонидовна. Крикливая. «В мать пошла», – шутил новоявленный дед. И полюбился ей лохматый Тобик, сил нет. Только пес за порог, так дите в слезы. Так и жил Тобик у порога в детскую комнату, чтобы малышка видела его. Сторожил ее сон, никого чужого не пускал, кошмар любой отгонял. Бывало, заворчит только недобро, глаза прищурит. «Бабайку прогоняет», – улыбалась мать.

Пролетели семнадцать лет... промелькнули. Знал Тобик, что час его близок. Пришел среди ночи в спальню к Любочке, облизал напоследок лицо – попрощался. К хозяину тоже подошел, носом тыкался в руку, мол «Прощай, друг!». Прилег на коврик у дивана, да и заснул... навсегда.

Разверзлись небеса, закапал мелкий осенний дождь и один из ангелов Господних, расправив серые крылья, взмыл ввысь.

«Здравствуй, брат, – приветствовал вновь прибывшего один из таких же серокрылых ангелов. – Как тебе жилось с людьми?»

«На сей раз хорошо! Все успел и хозяина уберег и дочке его мужа хорошего нашел и внучку оберегал все детство и научить всему успел, пока она не повзрослела и не разучилась меня понимать!» – ответил тот.

«Много же тебе лет потребовалось, – вздохнул собесед-

ник. – Целых семнадцать – долгая жизнь для собаки».

«Долгая, – подтвердил бывший пес Тобик, – но она того стоит! Отдохну немного и снова в бой, за души людей. Учить их добру и свету. Хочешь пойти со мной?»

«Да. Одному как-то боязно, а попробовать хочется».

«Деда! Дедушка! – задыхаясь от быстрого бега кричала Любочка, – Иди скорее! Посмотри!»

Дядя Митя вышел на крыльцо. У калитки стояла уже повзрослевшая внучка, а у ее ног вились и громко тявкали двое щенков. Один черный, а второй рыже-белый. Взглянул дядя Митя в собачьи глаза – один голубой, другой карий – будто и не было всех этих лет, будто назад вернулся.

«Ну здравствуй, Тобик!, – улыбнулся дядя Митя. – Долго же тебя не было. Пять лет уж прошло, а дорогу-то не забыл – все ж вернулся! Да еще и с другом!»

Конфеты

– Душа номер 375! Пройдите в кабинет перевоплощения! Повторяю: душа номер 375! Пройдите в кабинет перевоплощения! – вещал громкоговоритель.

В ту же секунду белесое облачко торопливо проскользнуло над головами ожидавших в очереди и скрылось за дверью с табличкой «Кабинет Перевоплощений». Кто-то в очереди тяжело вздохнул, завидуя счастливчику. А он тем временем уже стоял в заветном кабинете перед строгой барышней в деловом костюме и очках.

– Итак, – строго и по-деловому вопрошала барышня. – Кем желаете быть на этот раз. Могу предложить такие варианты, как камень, дуб, автомобиль 67 года...

– А собакой можно? – нетерпеливо перебила душа.

– Это только для ангелов!

– Тогда автомобилем, – обреченно вздохнул собеседник.

– Уже в 19-й раз! – отметила барышня. – Может быть попробуете что-то еще? Например, человека?

– А так можно?

– Конечно!

– Ну давайте человека, – кивнула душа.

Барышня принялась что-то выстукивать на клавиатуре

ноутбука. Вскоре зашуршал принтер и барышня произнесла:

– Теперь пройдите направо по коридору до двери с номером 13 и подпишите договор со смертью.

– А нельзя без этого?

– Нельзя! А ну марш! – вспылила барышня.

душа торопливо понеслась в указанном направлении. За дверью с табличкой «13» сидела еще одна барышня, тоже в строгом деловом костюме и очках.

– Чем могу быть полезна? – осведомилась она.

– Мне договор подписать велели, – замялась душа. – Со... смертью вроде как...

– Хорошо. Сейчас проверим Вас по базе, – и барышня застучала наманикюренными пальчиками по клавиатуре точно-точно такого же ноутбука, как и в предыдущем кабинете у предыдущей барышни.

Пока служащая проверяла данные, душа равнодушно рассматривала наполнение кабинета – шкафы с одинаковыми черными папками, ковер с замысловатым узором на полу, зеркальную столешницу и вазу с конфетами на краю стола. На вазе было написано красивым витиеватым шрифтом «Дополнительные годы».

– Ага! – наконец выдала барышня, – Вам полагается пакет «Стандартный».

– Это как? – удивилась душа.

– Стандартно, – ответила барышня – родился, садик, школа, институт, первая любовь, свадьба, ребенок. ипотека, работа не самая любимая, ну а в 65 лет на пенсию, но придется работать еще лет 5, потому как внукам надо помогать, дочка-то у тебя родит рано и от непутевого, вот и будешь работать на пенсии, чтобы ей помогать. Пяток лет поработаешь, а в 70 все – инсульт. И снова сюда, в хвост очереди. Так как ничего выдающегося-то сделать не успеешь, а потому ни в рай, ни в ад не попадешь. Ну что? Подписываем?

– Ну... ээээ, – замялась душа. – А по-другому никак?

Барышня не успела ответить, мобильный, лежавший на столе рядом с ноутбуком зазвонил и девушка, извинившись, ответила на звонок, отвернувшись от клиента лицом к окну. Пока она щебетала по телефону, душа покосилась на вазу с конфетами. Подумала с мгновенье, да и зачерпнула горсть конфет. А так как карманов у души не было, то она запихнула их все, прямо в обертках, себе в рот.

– Подписываем? – снова повернувшись лицом к клиенту строго спросила Смерть.

В ответ душа согласно закивала головой.

– Отлично! Тогда тут и тут, – барышня показала пальчи-

ком где именно в документах нужно поставить подпись. – А теперь возвращайтесь в кабинет перевоплощений. Там Вам выдадут билет в новую жизнь! Поздравляю! И до встречи через 70 лет!

Душа, кланяясь, быстро ретировалась, надеясь, что Смерть не разгадала уловки. Когда клиент вышел, барышня бросила взгляд на конфетницу и надула губки, прикидывая насколько лет обманул ее очередной клиент. Выходило, что их встреча откладывалась на целых 20 лет, после положенного срока...

– Ну, может быть, успеет что-то дельное совершить за это время, – подумала барышня, подсыпая в вазу конфеты-годы в ожидании следующего клиента.

Связка ключей

Эта история случилась давным-давно в одном далеком-далеком королевстве. Название страны потерялось в веках, как и имя того, кто был главным героем этих событий. Однако сами события не растворились во времени, а продолжают передаваться из уст в уста...

Двое мальчишек сидели на краю обрыва и весело болтали ногами над пропастью. Внизу, прямо под ними ревел прибой.

– Как думаешь, – спросил один из них, – они и правда существуют?

– Мама рассказывала мне о них, – ответил другой, – и она была убедительна.

– А что она говорила, Джо? Расскажи еще раз.

– Она говорила, что далеко-далеко в море есть остров, не отмеченный ни на одной карте. Там высокие горы и опасные рифы. Ни один корабль не в силах подойти к нему, потому что там нет удобных бухт и заливов. Живет на том острове волшебница – мисс Маркам. Самая настоящая. Она живет в замке с высокими башнями и крепкими воротами. И охраняет связку ключей. Огромную и тяжелую. Эти ключи открывают двери к любым знаниям. Даже таким, какими обла-

дать простым смертным и не положено. Говорят, кто овладеет той связкой станет мудрейшим из мудрых. И знаешь, Джим, когда я стану большим, я куплю корабль и доплыву до того острова и овладею связкой ключей...

– Как же ты найдешь тот остров, если никто не знает где именно он находится и как ты причалишь к нему?

– Я обязательно найду способ.

– Мальчики! – раздался издалека окрик их матери, – где вы? Немедленно идите домой!

Услышав окрик, мальчишки вскочили на ноги и стремглав бросились бежать к небольшой рыбацкой деревушке, расположенной в устье небольшой реки, недалеко от побережья. Поселение состояло всего из нескольких покосившихся хижин. Здесь жили ловцы жемчуга. Нищие, не знавшие иной жизни, они рождались, проживали свою жизнь и умирали здесь, в нескольких милях от берега океана, никому неизвестные и ненужные. Никому, кроме капитана небольшой пиратской шхуны, заходящий сюда несколько раз за сезон, чтобы выменять жемчуг на блага цивилизации – сукно и кое-какую утварь, а еще на дешевый ром.

«Mendax» – шхуна под серыми от грязи парусами встала на якорь в заливе. Тотчас на берег съехала толпа загорелых и полупьяных матросов. Ругаясь и грозя оружием они приступили к празднеству – короткой трехдневной попой-

ке, всегда заканчивающейся изнасилованием женщин в де-ревушке и драками. Капитан тоже съехал на берег. Это был еще молодой, но уже потрепанный жизнью мужчина в щегольском наряде и шляпе с огромным фазаньим пером. Он не торгуясь, велел старосте поселения принести жемчуг, взамен с корабля привезли ящики с ромом и дешевым сукном. Никто не знал почему, но в тот раз пираты были особенно суровы с женщинами. В тот раз они пили больше обычного, а после попойки, погрузившись на свой корабль, оставили за кормой лишь слезы и пепел. Мало кого пощадили головорезы под черным флагом, уходя из поселения ловцов.

– Капитан, посмотрите-ка какая крыса завелась у нас в трюме, – старший помощник вытолкнул на середину каюты мальчишку-оборвыша, затравленно озиравшегося по сторонам.

– И верно, – нахмурился капитан шхуны, – занятная крыса. Ты чей будешь, зверушка?

– Я только хотел добраться до острова, – тихо ответил мальчик, получив от старпома весомый подзатыльник.

– Да какого еще острова? – не понял капитан

– До того самого, где живет волшебница мисс Маркам и у которой ключи... от всех знаний на свете... и...

Дальнейшие слова мальчика потонули в грубом мужском хохоте.

– Пацан, похоже головой сильно ударился, – отсмеявшись, вынес вердикт капитан. Отведи его на бак. Будет юнгой.

– Слушаюсь, кэп, – кивнул старпом.

Так мальчик Джо из поселения ловцов жемчуга стал юнгой на пиратской шхуне «Mendax». Он все время твердил о том, что где-то в океане есть остров, на котором живет волшебница, у которой есть связка ключей... матросы, со временем привыкли к нему, считая его немного чокнутым и только подшучивали над ним. Так проходили месяцы. Сезон близился к концу и «Mendax» подыскивал себе укромную стоянку, ведь будучи пиратским кораблем, он не мог «зимовать» в обычных портах. Но то ли удача отвернулась от шхуны, то ли еще что, однако еще до того, как встать на зимовку, «Mendax» повстречалась с испанским патрулем, была взята на abordаж, а весь ее экипаж повешен на реях. Кроме одного мальчика.

Когда пиратов выстроили на шканцах для последнего суда, капитан испанского барка, захватившего пиратов не смог сдержать волнения, увидев юнгу с «Mendax». Совсем еще ребенок – не старше 10 лет, он стоял последним в строю и по его щекам катились слезы. Капитан велел освободить этого ребенка и подошел к нему.

– Ты плачешь о своих друзьях? – строго спросил испанец ребенка.

– Нет, – ответил тот, – о волшебнице, которую я так и не смог найти.

– Что это за волшебница? – удивился моряк.

В ответ Джо рассказал историю, которую слышал от матери и ни раз пересказывал своему младшему братишке. Капитан улыбнулся и сказал:

– Сынок, я обошел все моря и знаю весь испанский Мейн, но никогда не слышал об этой леди... Боюсь, что ее не существует вовсе. Однако, если ты откажешься от этих пиратов и примешь католическую веру и подданство Испании, возможно, я смогу помочь тебе и мы вместе поищем эту даму.

21 год спустя...

День выдался холодным и пасмурным, однако это не помешало старому морскому волку преодолеть свое недомогание и приехать в порт. Сегодня там былолюдно – прибыли корабли из Нового Света. Очередной «серебряный флот» в сопровождении военного эскорта, которым командовал молодой капитан дон Франческо. Ему едва исполнилось 30, а он уже заслужил особую награду и доверие короля за смелость и непоколебимость в борьбе с пиратством в Испанском море. Старик с гордостью смотрел, как в порт входил флагман военного эскорта – корвет «Волшебница Маркам» под командованием его приемного сына.

«Мой мальчик, ты все же нашел свою волшебницу», –

улыбаясь прошептал старик, любуясь кораблем.

Правило №3

Маленькое чудо сидело на облаке и болтало ножками, весело смеясь. Чудо смотрело на людей, бегущих по своим делам где-то там далеко-далеко внизу и думало: «Вот бы мне случиться!» Но оно знало, что еще слишком маленькое и не может пока что случиться. Его папенька – Случай – сказал ему как-то, что прежде, чем случиться, оно должно выучить целых три правила и уж потом... Чудо старательно пыталось запомнить эти правила, но все никак не получалось. Вот так оно и сидело на облаке и болтало ножками.

Со временем чудо выучило правила №1, которое гласило, что случиться чуду можно тогда, когда оно становится последней надеждой, но это правило ограничивалось правилом №2, чудо должны обязательно попросить случиться, чтобы оно знало, что оно – последняя надежда. Но правило №3 все еще не было известно маленькому чуду, поэтому оно продолжало сидеть на облаке, болтать ножками и наблюдать за людьми внизу.

Однажды чудо увидело маленького щенка. Его выбросили из припаркованного автомобиля прямо на тротуар. Машина уехала прочь, а малыш так и остался сидеть под холодными

струями дождя, жалобно поскуливая. Чуду вдруг очень сильно захотелось случиться, но... оно не знало еще правила №3, а потому продолжало сидеть, с тревогой наблюдая, за малышом и желая случиться во что бы то ни стало.

Вдруг к нему подошёл Случай и сказал:

– Сынок, ты уже знаешь два правила, третье гласит, чтобы чудо случилось, в него должны верить! Например, посмотри на ту девушку, которая идет, так грустно опустив голову. Она просит о чуде, которое для нее последняя надежда и верит в него!

– А как же тот щенок? – спросило чудо, ему я нужнее.

– Он не верит в чудо, поэтому ты не можешь случиться с ним.

Вздохнув, маленькое чудо посидело, подумало и вдруг случилось. Ойкнув, девушка подвернула ногу и шлёпнулась в нескольких метрах от щенка, рядом с которым приземлилась ее сумочка. Подошедшие прохожие помогли незнакомке подняться, а симпатичный молодой человек подал ей сумочку и щенка:

– Возьмите, это Ваше?!

– Спасибо, – растерянно пробормотала девушка, беря на руки щенка, который изо всех сил прижался к ней своим мокрым носом.

Случай строго погрозил пальцем сынишке-чудо, а тот хитро подмигнул в ответ: «В любом правиле должны быть исключения!»

Когда цветет сакура

Высоко в небе парит, раскинув крылья, орёл. Многое доступно его зоркому взору. Видит он и синий океан внизу, и зелёные острова в океане, и белоснежный замок на вершине сумеречных гор, и сакуру, цветущую во дворе замка. Прекрасна и нежна сакура, прекрасен и белоснежный замок. Но ещё прекраснее то сокровище, что сокрыто в его стенах. Юная принцесса – Сафит – от рождения томится в этом замке. Каждый год цветёт сакура и, глядя на неё, ещё сильнее тоскует принцесса. Ей хочется быть свободной, как ветер, который наполняет паруса кораблей; как орёл, который парит в поднебесье...

Но, ... хотя она и принцесса, многое для неё под строжайшим запретом... Многое, увы, ни в её власти... Отец её – правитель тех земель – строг. Знает он о красоте и гордости своей дочери... Знает и о её мечтах...

Много лет назад, ещё до появления принцессы на свет, страшное бедствие обрушилось на те земли. Каждую ночь страшное чудовище поднималось из морских глубин. У него было великое множество щупалец, которыми он утаскивал в пучину всё, что вздумается... Император созвал тогда Ве-

ликий Совет, но всё было тщетно. Никто не знал, как избавить жителей от беды. Лишь мудрый вождь клана магов знал ответ. Но он был уже столь стар, что не смог прибыть на тот совет. Тогда император лично отправился к нему. И застал старца на смертном ложе. Умирая, мудрец открыл императору страшную тайну:

– Суждено тебе править много лет, и передать престол бандиту... Или же погибнет твой народ и ты, и стар, и млад. Какую же участь изберешь ты? Отдать престол бандиту или сгинуть в вечности?

– Лишь бы жил мой народ! Коли судьба бандиту управлять страной – будь посему! – отвечал император.

– Тогда... иди на брег ночью и призови Владыку Морского. Спроси, чего желает он. Исполнишь его волю и изыдит чудище! – сказал так мудрец и умер. Как и было ему сказано, следующей же ночью император поднялся в одиночестве на крутой брег и призвал владыку морского. Всколыхнулся океан, и в вихре волн и белых хлопьях пены, предстал перед императором Владыка Морей!

– Что жаждешь получить? – спросил его император.

– Придёт время и небывалой красоты сокровище окажется в твоих руках! Поклянись, что отдашь это сокровище лишь мне!

– Клянусь! Только как мне узнать, что в руках моих то самое сокровище?

– Через год твоя жена родит дочь... Это и есть то сокровище, которое теперь принадлежит мне. Запри её в башне у моря. Когда настанет час, я приду за ней! – сказав так, Владыка Морской скрылся в пучине... А император отправился во дворец. Ничего он не сказал ни жене, ни приближенным. Запершись в покоях, он горевал три дня и три ночи, но клятву назад не веротишь.

Прошёл год, и на свет появилась чудесная малышка – принцесса Сафит. Время шло, и принцесса становилась день ото дня всё прекраснее и милее. А отец её – всё грустнее и угрюмее. Вот минуло принцессе 15 лет и в замок зачастили иноземные женихи... Памятуя о клятве, император запер дочь в высокой башне, а чтобы отвадить женихов придумал испытание, да такое, чтобы никто его пройти не смог – принести сердце дракона, охранявшего волшебный цветок, на далёких островах. Никто, конечно же, не мог справиться с этим. День ото дня, год от года претендентов становилось всё меньше и меньше. И, наконец, все они разъехались, а принцесса осталась одна одинёшенька в высокой башне отцовского замка. От тоски и скуки погас её взор, потускнел румянец. Целыми днями сидела девушка у окна и смотрела на океан. Она словно бы ждала кого-то, но кого – и сама не знала... Так проходили дни, недели, месяцы, года. А Владыка Морской не спешил за своим сокровищем...

Высоко в небе парит, раскинув крылья, орёл. Многое доступно его зоркому взору. Видит он и синий океан внизу, и крохотный корабль под белоснежными парусами. Корабль тот совсем не простой, как кажется на первый взгляд. Многие моряки, завидя на горизонте белоснежный парус, знают – это бригантина «Сакура». А капитан его – суший Дьявол и отпетый бандит – нет ужаснее пирата в океане. Его кличка – Серебряный Дракон – произносится лишь шёпотом, дабы не накликать лиха. Бесполезно пытаться спастись бегством от быстроходной «Сакуры» и бесполезно охотиться за ней – неуловима эта бригантина. Говорят, сам Владыка Морской оберегает её и её капитана. А как же иначе?! Мало ли разбойников поймали и повесили по приказу императора?! А этот – особенный... Нет, не простой это человек... да, и человек ли?! Так это или не так, но только случилось орлу видеть в назначенный час назначенный корабль в океане. И видел он взором своим зорким, как вдруг, в штиль, взметнулись волны стеною, валы горами разошлись по глади морской, солоня вода захлестнула бригантину и явился пред очи капитана и всей команды сам Владыка Морской.... Пали ниц моряки, и даже сам гордый капитан преклонил колено.

– Серебряный Дракон, ты исправно несёшь службу – я доволен тобой. А посему хочу наградить тебя. Проси – чего желаешь больше всего! – молвил Владыка Морской.

– Великий, – ответил смело капитан. – Прошли годы, но слово моё прежнее – как и пять лет назад, я прошу лишь одного! И ты знаешь мою историю. Знаешь, как служил я юнгой, как проходил однажды наш корабль мимо прекрасного острова, где на вершине сумеречных гор стоит прекрасный белоснежный дворец, где во дворе цветёт сакура... Знаешь, как я служил и заработал на свой корабль, купил его и назвал в память о том дне – «Сакура». Знаешь, как вновь проходил я мимо того острова и увидел высокую белую башню. Знаешь и о том, кто стоял у окна в той башне – девушка неземной красоты. Знаешь, как поклялся я тебе служить верой и правдой лишь за одну награду – ту девушку... Так зачем же спрашиваешь, чего жажду я?

– Что ж, и ты знаешь, что назначил я тебе испытание сроком в пять лет. Время вышло, а желание твоё не изменилось. Так быть посему! Знай же, что девушка та – принцесса Сафит. Коли смел ты – отправляйся, к императору и проси её руки!

– Смиловствись Владыка! Я – пират и за голову мою такая награда...

– Устрою так, что ты будешь, как принц из иноземных мест. Отправляйся во дворец. Но помни, придётся тебе и испытание пройти, тут уж сам выкручивайся! – сказал так и исчез.

А стихия разбушевалась ещё яростнее – волны окутали

корабль. А когда шторм стих – всё преобразилось. Корабль, моряки и сам капитан. Теперь всё выглядело, как истинное посольство из иноземных мест. А сам капитан – ну, истинно принц. И «Сакура» стремительно понеслась в порт столицы... Не прошло и недели, как они бросили якорь в порту у зелёного острова, где в сумеречных горах высился белоснежный замок...

Быстрее лесного пожара разнеслась по округе весть – в столицу прибыл новый соискатель на руку принцессы. А император вновь опечалился больше прежнего. Приказал он слугам приготовить всё в замке к встрече гостя, как полагалось, а сам поспешил в башню к дочери. Он застал её в бурном оживлении, перебирающей наряды. Она была столь же прекрасной, как когда-то.

– Дочь моя, ты рада нашему гостю?

– О, отец! Его приезд... это так... волшебно. Я чувствую, ... я знаю, он послан мне свыше! Это – перст судьбы!

– Ну-ну, родная. Ты же помнишь об испытании. Если он не справится...

– Отец, умоляю, отмените этот глупый обычай! К чему он?

– Такова традиция...

– Отец, но ведь это всего лишь легенда – выдумка! Ведь

это невыполнимое условие. Отец...

– Прости, родная...

– Ну, если ты не желаешь изменить традиции, ну хоть пошли его на что-то реальное!

– Хорошо. Испытание сама ему назначишь!

– Быть посему...

– Но прежде, я желаю знать, о чём попросишь ты.

– Весь город говорит о Серебряном Драконе и «Сакуре» ... Я хочу, чтобы этот пират... я хочу познакомиться с ним...

– Да будет так.

Вечером во дворце был дан бал, в честь иноземного принца. Там присутствовало много знатных придворных и вельмож. Но звёздами вечера были – иноземный принц и принцесса Сафит. Едва молодые люди увидели друг друга, их сердца вспыхнули такой неземной любовью, что порознь им быть стало равнозначно смерти... Весь вечер они смотрели лишь друг на друга и танцевали вместе один танец за другим... позабыв обо всём на свете. А когда пришло время расставаться, сердца их преисполнились глубочайшего уныния, как если бы они разлучались навек.

Но едва взошло солнце, как иноземный гость вновь прибыл во дворец и испросил аудиенции императора. Его про-

вели в тронный зал.

– Ваше Величество, – начал принц свою речь.

– Вы, конечно же, желаете знать об испытании? – просто сказал император.

– Да...

– Что ж, хорошо. Но прежде желаю предостеречь Вас, сказав, что у Вас было немало предшественников и, как видите, ни один не справился с заданием... И хотя условия пари ныне облегчены, всё же...

– Меня это ничуть не пугает. Жизнь моя была исполнена множеством опасностей...

– Что ж, и вот чего я хочу. Доставьте ко мне во дворец известного пирата и разбойника по кличке серебряный Дракон живым или мёртвым! И в награду Вы получите руку моей дочери. Срок Вам я даю до Новолуния... Это почти месяц – я щедр, помните об этом! Теперь же прощайте! И да хранят Вас Боги...

– Прощайте, Ваше Величество. Я вернусь. Ждите меня в этом же зале, в ближайшее Новолуние. Я исполню Ваше поручение! – с этими словами, решительный юноша покинул тронный зал.

Душу его на части рвали противоречивые чувства. Как выполнить невыполнимое? Неужели Владыка Морской, предостерегая его об испытании, лишь посмеялся над ним?!

Иноземец медленно шёл по коридору замка в раздумье, как вдруг чьи-то нежные пальчики сжали его ладонь. Рядом с ним прямо из ниоткуда возникла невысокая хрупкая фигура, закутанная в плащ. Она поманила его за собой, жестом попросив о молчании.

Они долго шли по тайным лестницам и переходам. И, наконец, оказались в небольшой комнатке. Единственное окно её выходило на океан. У окна стояла молодая прелестная девушка. Это была сама принцесса – Сафит. Иноземец не мог отвести от неё взора ни на мгновение! Когда они остались наедине, принцесса заговорила первой:

– Здравствуйте, принц! Добро пожаловать в эти края!

– Здравствуйте! – едва смог вымолвить он в ответ, от волнения.

– Я знаю, кто Вы и зачем прибыли в столицу...

– Все это знают, – улыбнулся он. – Я прибыл просить Вашей руки, потому как не могу ни есть, ни спать, с той самой секунды, как увидел Вас впервые.

– Когда это произошло? – с дрожью в голосе спросила девушка.

– Ровно десять лет и девять дней тому назад...

– Значит, это правда, о Боги! Я погубила Вас, – рыдая, принцесса опустилась перед ним на колени.

– Нет. Нет, ради Вас, – он бросился к своей возлюбленной и поднял её, сжимая в своих крепких объятиях. – Я готов на эшафот хоть сей миг... Ибо... крепка, как смерть, любовь...

– Молчите! – она приложила ладонь к его губам.

Молодые люди смотрели друг другу в глаза, не в силах идти против судьбы, не зная, даже о том, что противопоставить ей. Но в глазах мнимого иноземного принца девушка прочла столько, же решимости, сколь он – в её глазах – любви. И повинуясь какому-то порыву, они крепче сжали друг друга в объятиях. И губы их слились в долгом поцелуе. Таким не обмениваются любовники, таким обмениваются лишь те, кто заключает договор вечной верности...

Принц решительно отстранился. «Я вернусь за тобой, Сафит! Я клянусь тебе! Не отходи от окна и однажды среди волн ты увидишь бригантину с белоснежными парусами! Это будет „Сакура“, на которой Серебряный Дракон придёт за тобой!» – и он стремительно вышел прочь. За дверью его ждал всё тот же человек в плаще с капюшоном. Он проводил его во двор замка...

Спешно покинул чужеземец порт. И едва остров с белоснежным замком скрылся за горизонтом, как вновь бело-

снежными стали паруса «Сакуры» и всё вновь стало, как прежде. Вся команда была охвачена смятением – что случилось с их капитаном?! Он ничего не ел и не пил. Позабыл он сон и покой. Всё думал о прекрасной принцессе Сафит. Казалось, целую вечность, метался он в сонме противоречий и, наконец, всё решилось за одну ночь...

Приснился ему сон, будто причалил его корабль к неведомому острову, которого нет ни на одной карте. И сошёл он на берег и пошёл в глубь острова один одинёшенек. Долго шёл он и, наконец, добрался до большой круглой поляны. Там горел огромный, до небес, костёр. А рядом с ним сидели три женщины. Ещё совсем юная девочка, женщина средних лет и старуха.

– Что привело тебя, путник, к Триликой? – спросила его девица.

– Что мне делать, если я люблю девушку, отец которой жаждет моей смерти?

– А любит ли она тебя? – спросила женщина.

– Да!

– Тогда иди к ней и женись! Коли судьба твоя – быть её мужем, то так и будет, а иначе... неужто бесстрашие Серебряного Дракона померкло перед верёвкой и эшафотом? – отвечала старуха.

На этом сон оборвался – капитан резко проснулся. В голове его уже было принятое решение. Бегом бросился он на палубу и начал отдавать приказы... Быстрокрылая «Сакура» взяла курс на столичный порт.

Много дней и ночей. Ни спала, ни пила и ни ела принцесса. Ни на секунду не отходила она от высокого стрельчатого окна своей башни.

И вот однажды, рано утром, едва забрезжил рассвет, увидела принцесса из окна своей башни на волнах океана прекрасный корабль с белоснежными парусами. Не веря своим глазам, бросилась она в покои отца, поднимая переполох во всём замке. А меж тем из порта прибыл к императору гонец из порта со срочным донесением от начальника стражи. Не успели император и принцесса выслушать его, как прибыл ещё один гонец, сообщивший, что известный разбойник – серебряный Дракон – требует аудиенции императора. Что было делать? Император согласился его принять, поддавшись на уговоры дочери. Но едва разбойник вошёл в тронный зал, как император не сдержал возгласа удивления – перед ним стоял давешний иноземный принц. Только теперь на нём были не роскошные одежды, а штаны и куртка моряка.

Опустился разбойник на одно колено перед троном, низко склонил голову и молвил: «Вы дали мне время и задание. Срок вышел, и я доставил Вам известного пирата – Серебряного Дракона – живым. Как и обещал! Отныне я покоряюсь судьбе и Вашей воле!»

Хлопнул император в ладоши, призывая стражу, и велел заключить разбойника в темницу. Чтобы по обычаям той страны через три дня и три ночи, на рассвете казнить его. Увели стражники пирата и заключили в сырую и тёмную камеру, и не положено узнику было ни воды, ни хлеба. Увели пирата, а Сафит взмолилась отцу:

– Отпустите его, отец! Помилуйте, нет мне без него жизни!

– Не смей просить за него! Все мы в руках Богов! – отвечал отец. Заперлась тогда принцесса в своей башне и отказалась от пищи и воды. И не было ей никакого утешения...

Высоко в небе парит, раскинув крылья, орёл. Многое доступно его зоркому взору. Видит он и синий океан внизу, и зелёные острова в океане, и эшафот на высоком утёсе над морем. Вот преклонил пред эшафотом колени молодой прекрасный юноша, замахнулся мечом палач...

– Так вот какова твоя награда за мою верную службу тебе, Владыка Морской... – тихо прошептал Серебряный Дракон. И едва эти слова сорвались с его губ, как вспенилось море, волны взметнулись до небес и перед застывшими от ужаса людьми, предстал во всём своём величии сам Владыка Морской. Грозно воззрел он на императора и указав на него перстом так молвил:

– Пришёл час! Долгое время не трогал я этих земель! Не трону и впредь, коли сдержишь слово, данное мне, человек!

Дрожа, император приказал доставить на берег моря принцессу. Когда её привели, Владыка Морской обратился к ней ласково, по-отечески:

– Любишь ты моего лучшего помощника – пирата по кличке Серебряный Дракон?

– Да, – отвечала без колебаний принцесса.

– Так будь же тогда его женою! – а потом прибавил, обращаясь к императору – Долг твой уплачен, человек. Но бойся впредь нарушить волю любящих сердец!

Сказав так, в мгновение ока скрылся в пучине морской...

Пышную свадьбу сыграли в том же году... Так сбылось

предсказание мудреца. Во имя блага своего народа, истинный правитель ничего не пожалеет. С тех пор и поныне, паруса всех кораблей стали белоснежного цвета – в память о любви принцессы Сафит и пирата по кличке Серебряный Дракон.

Женщина в зеленом платье

Молодой священник низко наклонился над постелью умирающего, с трудом разбирая слова последней исповеди. Возможно, оттого, столь судорожно его пальцы сжимали чётки, а губы беспрестанно шептали молитвы. Исповедующийся ему человек тоже был не стар – ему едва минуло 40 лет, хотя в его смоляно-чёрной бороде и волосах проглядывала седина. Но то был результат многолетнего опыта и жизни вдали от родной земли, боёв и авантюр. Человек умирал от ран и не искусные руки местной монахини-знахарки, ни молитвы святых орденских братьев не были в силах спасти его. И в свой смертный час, то ли страхась воздаяния, то ли боясь остаться в одиночестве, он попросил пригласить к себе отца Климента – приходского священника. Когда тот прибыл, его немедленно проводили к постели раненого. И тот начал свою исповедь. По мере того, как умирающий произносил одно слово за другим, приподнимая завесу, столь долго скрывавшую его жизнь, глаза отца Климента всё больше округлялись. Причиной тому мог быть и страх, и удивление... И то и другое вместе. Как бы то ни было, но он не покинул умирающего и провёл над ним положенный обряд отпущения грехов. Едва последнее слово исповеди замерло на губах, как дух его покинул бренную плоть и пред-

стал пред очи судьи небесного... А отец Климент вернулся в свою келью. Подробно записав всё услышанное в толстую тетрадь, священник пообещал себе забыть всё услышанное. И лишь много лет спустя, после смерти преподобного, один из его последователей, обнаружив записи, решился открыть их для потомков, ибо записи эти уже стали не большим, чем легендой – красивой и грустной сказкой – о былом...

Высоко в поднебесье, почти касаясь крыльями палящего солнца, кружит гордый беркут. Нет птицы прекраснее и сильнее. Лишь его брат – сокол – способен соперничать с ним в зоркости и высоте полёта. Беркут кружит в небесах, но совсем не добычу высматривает он внизу... Далеко под крыльями лазурно – голубая гладь: небо над головой, небо – под крылом. А где-то посреди этой глади затерялись белокрылые птицы – корабли. Им не подняться в небо, но оно им без надобности – море, вот их небеса, а ветер правит и тут, и там. Так чем же небеса отличимы от морской глади?

По зову своего хозяина птица камнем падает вниз. Капитан протягивает ей руку, и беркут усаживается на ней, словно это ветка столетнего дуба. Человек ласково треплет птицу по голове, перебирает её перья. «Ну, что, красавчик, далеко ли до берега?» – спрашивает человек. Птица отвечает ему клёкотом. Но моряк и без того знает, что нет, не далеко –

иначе беркут не улетал бы так часто в поднебесье. Он не любит моря и когда вокруг лишь лазурь, всё чаще сидит на рее бизань-мачты или навещает матросов в «вороньем гнезде». И верно – на рассвете следующего дня капитану доложили о том, что на траверзе порт Разбитых Сердец.

Нет городов благословеннее, чем города Братства. И да-ром, что здесь проще получить пулю или кинжал меж рёбер, чем причастие. И самый прекрасный из всех городов Братства – столица – порт Разбитых Сердец. Правит городом – Корсарский Король – самый гордый, отважный и безрассудный пират за многолетнюю историю Братства. Поговаривали, что в молодости он был отважным капитаном, но в карманах его было, к сожалению, пусто. И случилось ему влюбиться, да ни в кого-нибудь, а в дочку самого наместника. Она, ясное дело, предпочла ему богатого, хоть и старого вельможу. За что и поплатилась. Отвергнутый возлюбленный не просто стал пиратом, а самим Корсарским Королём, основал Братство, и поклялся вечно мстить, разоряя и грабя без пощады. Столицу же своего «государства» он так и нарёк – порт Разбитых Сердец. И клятву, надо сказать, сдержал... Не было города богаче и развратнее, чем город неко-ронованного короля...

В этот порт вошли два гордых белокрылых красавца –

птицы морских небес – корветы «Беркут» и «Сокол» – корабли сыновей Корсарского Короля.

Бастиан и Стивен были близнецами. Оба черноволосы и черноглазы, стройны и ловки, удачливы и умны... Во всём – достойные сыновья и принцы. Мало, кто был способен сравниться с ними... Да и те предпочитали не испытывать удачу. Отец прочил сыновьям блестящую судьбу на поприще морского разбоя, но... уже в год их рождения судьба распорядилась иначе.

Говорят, дети в ответе за грехи родителей, так это или же нет, но... в этой истории всё именно так. Судьба прочила братьям месть за грешную молодость их отца. И если из любви и мести женщине корсарский Король возвёл город и основал свою империю, то его сыновьям суждено было её повергнуть в небытие по тем же самым причинам – любовь и месть...

Но пока... они ещё об этом не знали.

Нет в городе шумнее и веселее места, чем то, где гуляют братья-принцы. Такового мнения придерживались все обитатели порта Разбитых Сердец. И не напрасно.

– Эгей, Гарри! – окрикнул мальчишку-подавалу один из братьев. – Принеси-ка нам ещё вина. Да не той кислятины, что подавали в прошлый раз!

– По золотому за пинту плачу! – поддержал другой брат.

– Всех угощаю!! – отозвался первый.

Мальчишка шустро побежал за выпивкой, а разношёрстая компания завсегдатаев кабака разразилась шумными тостами в честь братьев.

Кто-то из пиратов вдруг воскликнул:

– За богиню Нефеллу, что ведёт корабли принцев!

Бастиан лишь рассмеялся:

– К морскому Дьяволу Нефеллу! Я сам себе и Бог, и проводник!

Стивен попытался одёрнуть брата:

– Ни дело так о Богах...

Но Бастиан был не преклонен:

– Брось, брат! Лучше выпей за упокой тех, чьи мольбы

Боги не услышали! И не будь язычником!

Было далеко за полночь, когда постояльцы «Кракена» – самой большой таверны столицы и посему любимого места братьев проматывать награбленное – поутихли. Кто-то храпел, обнимая недопитую кружку вина, кто-то, растянувшись под столами или лавками. Только братья были ещё на ногах, казалось, хмель не брал их вовсе.

Наконец, и они, навеселившись вволю и оставив в кошельке старика Боуна – хозяина «Кракена» – немало золота, отправились на покой.

Путь их лежал по широкой портовой набережной, где у причалов мирно спали корабли. Братья, замороженные предрассветной тишиной спящего города, остановились у крайнего причала, к которому, словно охотничьи пернатые в королевском птичнике, были пришвартованы их корветы. Бастиан залюбовался гордыми мачтами близнецов-кораблей, построенных под заказ на местной верфи. Сколько же побед принесли им эти красавцы-близнецы отличные лишь рострой – у одного беркут; другого – сокол... Словно уловив его мысли, Стивен тихо запел:

«Беркут и Сокол – две гордые птицы

В небе парите над бренной землёй,

Сокол и Беркут – гордые принцы,

Удачу держащие верной рукой...»

Бастиан улыбнулся и продолжил:

«И море для вас небесами пусть станет,

Корабль к удаче по жизни несёт,

Сердца ваши биться, пускай, не устанут,

И вражий клинок вас пускай обойдёт...»

Тихий женский голос подхватил песню:

«Пусть золото льётся рекою к вам в трюмы,

Пусть женичины будут о вас лишь мечтать,

И верных друзей рядом будет побольше,

Чтоб недругов злобных бесстрашно сразать...»

Братья вздрогнули от неожиданности и прервали пение, а незнакомка вдруг рассмеялась:

– Ну, что же вы смолкли, принцы?

– Кто ты? Покажись! – потребовал Стивен.

– А не забоишься, корсар? – снова послышался смех из темноты у причала.

– Да будь ты хоть nereидой... – воскликнул Бастиан.

– Хорошо, принцы.

И тут же оба поражённых корсара увидели на краю пристани женщину. Она была молода и прекрасна. Ветер играл её тёмно-каштановыми волосами и складками длинного изумрудно-зелёного платья, словно бы сотканного из морских волн. Всю её стройную фигуру осеняло магическое свечение. И до того была она прекрасна, что в один миг оба брата влюбились в неё без памяти. И не могли они ни слова вымолвить, лишь стояли, как замороженные и смотрели на красавицу, явившуюся им, во все глаза. А девушка, меж тем, рассмеялась ещё раз и, протянув к братьям руку, поманила их. В следующий же миг видение исчезло. Обезумев от любви, Бастиан бросился на причал. Он метался, как раненый зверь в клетке, ища и призывая прекрасную незнакомку, но лишь плеск волн, в котором слышался призывный смех красавицы, был ему ответом.

Стивен же, будучи более богобоязненным и чтящим традиции предков, сразу же понял, что за таинственная незнакомка предстала перед ними. Но напрасно пытался он усмирить брата, успокоить его, говоря: «Брат! Опомнись! Не ищи более встречи с ней – Богиней штормов – Нефеллой!». Бастиан не желал его слушать. И, наконец, в безумии, бросил в низкие, затянутые свинцовыми тучами, небеса:

– Нефелла! Портовая девка! Я клянусь тебе собственной душой, ты будешь моей!

Тут же в сиянии и плеске волн явилась Богиня. И голос её был подобен шуму шторма:

– Я принимаю твой вызов человек! Если сможешь покорить меня, я стану твоей навеки! Если же нет,...

– Моя душа навеки станет служить тебе! – воскликнул Бастиан.

И не слушая уговоров брата, гордый корсар поднялся на борт своего красавца корвета. Той же ночью «Беркут» вышел в море. Бесновала стихия трое суток и волны бросали корабль из стороны в сторону, грозя потопить его как жалкую скорлупку. Но так и не смогли... Принц выстоял и победил. И Богиня, смиренная волей и любовью корсара, ста-

ла его женой. Но счастье их было недолгим. Ибо брат Бастиана – Стивен – тоже был влюблён в красавицу Нефеллу и не мог уже помыслить своей жизни без неё... День ото дня крепла в его душе чёрная ненависть и зависть к брату... И замыслил он недоброе.

В одну из чёрных ночей, пробрался он в дом своего брата и предательски перерезал ему горло. А потом упал перед Нефеллой на колени и воскликнул:

– Богиня! За что ты предпочла гордого еретика? Почему полюбила ЕГО? Ведь он оскорбил тебя...

– Зато он был честен со мной! Не льстил и не побоялся вступить в честный поединок! А ты – предатель и трус – братоубийца! – отвечала она.

Прояснился тут разум Стивена и понял он, что натворил, но было поздно...

Страшно покарала убийцу Нефелла – клинок, которым Стивен хотел лишить себя жизни, не причинил ему вреда, и все яды мира были бессильны. Море не принимало его, а земля не могла больше носить... Поднялся несчастный на борт своего «Сокола» и отплыл куда глаза глядят... Боги-

ня обрекла его на вечные скитания по океану, пока не про-
бьёт его смертный час и не наступит время последней его
битвы... а душу своего возлюбленного обратила в беркута.
С тех пор моряки в час ненастий призывают в помощь свя-
того Бастиана – беркута. И смирятся буря, утихает шторм,
ибо, как и прежде, покорна Нефелла своему возлюбленному
супругу...

Наперекор судьбе

Эта история произошла много веков назад и уже никто не вспомнит, как звали её участников и где всё это случилось... Никто, кроме тех, кто был участником тех событий и помнит всё...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.